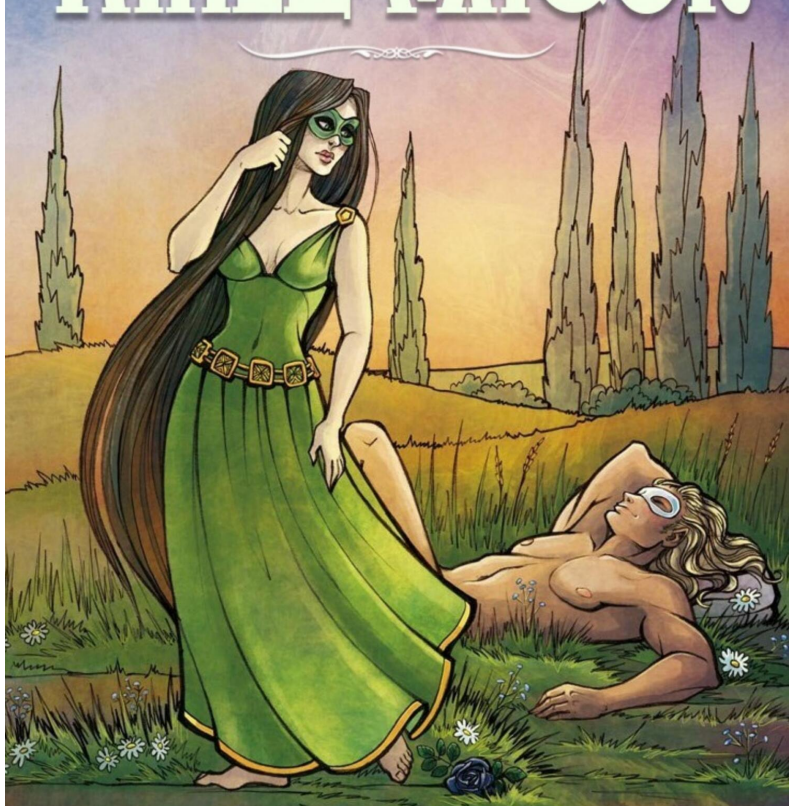

МАРИЯ САКРЫТИНА

ТАНЕЦ МАСОК

Книга первая. «Люди и фейри»

Мария Николаевна Сакрытина

Танец масок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087372

SelfPub; 2023

Аннотация

Они живут на два мира и носят маски. Фрида – вдова лорда в мире людей, дочь Лесного короля в мире фейри. Эш – маг и фейри-подменьш. Однажды на балу Лесного короля они встречаются и проводят вместе волшебную ночь. Позже, вернувшись в мир людей, Фрида узнаёт, что беременна. Теперь, во избежание сплетен, ей нужно срочно найти сговорчивого жениха. В это время Эшу император людей приказывает поскорее подыскать жену и продолжить род. Судьба сталкивает их снова, и они опять танцуют танец – условностей, непонимания. И масок.

Содержание

Глава 1. Ночная роза	4
Глава 2. Майский праздник	25
Глава 3. По приказу императора	49
Глава 4. Перемены	84
Глава 5. Серый город	117
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Мария Сакрытина

Танец масок

Глава 1. Ночная роза

– Прекрасная госпожа подарит мне танец?

Фрида фыркнула – прекрасная она или нет, этот кавалер увидеть сквозь маску никак не мог, да и платье её фигуру не подчёркивало. Но, как говорят, в сумерках и коза – красавица.

Оборачиваться Фрида, конечно, не стала, но уже мгновение спустя ей в руки опустилась блестящая тёплым солнечным светом чёрная, как ночь, роза. Фрида поморщилась и уже хотела отбросить цветок – красноречивый получился бы отказ – но роза неожиданно взлетела и оказалась приколотой к её декольте. Шарик, яркий, как свернутый в клубок солнечный луч, засиял точно в ложбинке между грудей.

– Что вы себе поз?.. – начала Фрида, всё-таки оборачиваясь. И обомлела – было от чего, такое... чудовище она видела впервые.

Больше всего в незнакомце впечатляли рога, им бы любовью олень позавидовал: длинные, ветвистые, для пущего эффекта украшенные серебряными бубенчиками, а на кончиках ещё и позолоченные, они сияли в лунном свете ярче

короны. Фрида отдала им должное и опустила голову – да, незнакомец оказался сильно выше её, – уткнулась взглядом в его грудь. Там тоже было на что посмотреть: положила руку на сердце, раньше Фрида видела такое совершенство лишь у мраморных статуй человеческих богов и их сыновей-героев. Но то мрамор, а скульптору простительно некоторое... желание приукрасить, добиться невозможного в жизни совершенства. Здесь же совершенство было живым, настоящим и между тем оставалось совершенным. Фрида против воли прошлась взглядом по рельефу мышц, оценила и неожиданно для себя покраснела.

Потом опустила взгляд ещё ниже. Зря: это рогатое чудовище-полубог был гол. И если ноги его покрывала вполне милая, как у барашка, кудрявая шерсть, то своего возбуждения наглец ничем скрывать не собирался. Фрида оценила и это, покраснела ещё сильнее – от гнева – и решительно отвернулась.

– Нет.

Конечно, во владениях Лесного короля гости имели право ходить в чём вздумается, хоть голышом. Но явиться в таком виде на бал и ещё набраться смелости требовать танца? Фрида против воли вспыхнула ещё сильнее – ей даже казалось, что засветилась. Что он себе позволяет?

– Моя роза всё ещё у прекрасной госпожи, – усмехнулся незнакомец.

Фрида удивлённо приложила руку к груди, сжала несчаст-

ный цветок – и отбросила его. Он упал на траву, и к нему тут же полетели малютки-фейри, привлечённые солнечным сиянием. Их звон на мгновение выбился из музыки ночи – но лишь на мгновение. Фрида успокоилась.

– Но почему же, красавица? – не унимался рогатый наглец.

Фрида снова обернулась – на этот раз старательно глядя в прорези маски незнакомца.

– Вы отдадите мне ноги своими копытами. – Не говорить же ему: «Прикройся!» Свой вид наглец, очевидно, находил пристойным.

– Не бойся, красавица, я буду аккуратен, – и сейчас не смутился он.

Прозвучало это с намёком, относящимся не только к танцу. Фрида намёк отметила, а также фривольное «ты». Отметила и отступила на шаг.

– Господин, найдите себе другую розу. Для вас я, – она усмехнулась, подражая его высокомерному тону, – слишком хороша.

В ответ рогатый наглец только расхохотался. Тоже звонко, как и всё вокруг, впрочем, этот звон из общей гармонии странным образом выбился. Оскорблённая Фрида уже хотела уйти, но не успела.

– Пари, маленькая красавица? – предложил незнакомец, заглядывая ей в декольте.

«Хам!» – подумала Фрида. Но никто, в чьих жилах течёт

кровь фейри, никогда не откажется от пари. Даже полукровка.

– Пари? – изогнула бровь Фрида, что под маской было, конечно, не видно.

Незнакомец улыбнулся – и, надо сказать, его улыбка ослепляла. Почти как его грудь и... то, что ниже.

– Ты не умеешь танцевать, крошка. Ставлю на это желание.

– Любое? – опешила Фрида.

– Любое, – бубенцы на его рогах зазвенели, когда незнакомец кивнул.

– Да вы отчаянный наглец, господин, – выдохнула Фрида, во все глаза глядя на него. – Поберегитесь, я ведь могу пожелать узнать ваше настоящее имя.

Узнать имя фейри или даже полукровки – истинное имя – означало подчинить его себе навеки. Самое страшное, что могло произойти в жизни фейри – потерять свободу. Тогда их длинный и полный магии век превратился бы в пытку – ни один фейри никогда бы не согласился сам открыть своё имя, тем более незнакомцу. Даже под заклятьем.

Всё это рогатого насмешника словно не волновало.

– Отчаянный? – повторил он, хохотнув. – Я ещё и бесподобен. Ну что, крошка, идём в круг?

Фрида фыркнула. Чего только не случится под луной...

– Идём.

Эшу было скучно.

Опостылели лунные серебристые нити, пронзающие поляну для танцев. Надоело брэнчанье скрипачей, танец теней наскучил и опротивел смех маленьких фейри, так же, как и звон ручья, и шёпот деревьев, и волшебная неподвижность воздуха. Разболелась голова, как на скучном императорском приёме захотелось на воздух. Прочь от бала, прочь от полого холма, прочь от границы владений Лесного короля.

Дальше никаких «прочь» не было. Эш попал бы прямо в сети душного, затхлого мира людей, а там становилось ещё хуже, чем здесь. Там было нечем дышать, там голова болела постоянно, и спасения не было. Там повсюду было железо.

Эш простодушно надеялся, что дома, среди таких же, как он, ему станет легче. Наивный! Не стало – да и не было это место его домом. Никакое место в этом мире или другом Эш не мог назвать домом.

Говорили, что для подменьшей это нормально. Человек ты или фейри – вечно будешь скитаться между мирами, чужой для всех.

Эш скитался уже тридцать лет – а всё спасибо фейрийской мамаше, отделившейся от ребёнка. Эш до сих пор думал об этом со злостью, и сейчас от неё ещё и голова разболелась вдвое сильнее. Эш смочил руку в ледяной воде ручья, стряхнул капли – и положил мокрую ладонь на лоб. Лучше не стало.

Эш уже подумывал пойти поискать озеро – судя по запаху

кувшинок и лилий, оно была где-то рядом. И залезть бы в воду целиком, может быть, купанье поможет? Он оглянулся, потянул носом, ища нужное направление, когда – совершенно случайно – увидел её.

Она стояла, небрежно облокотившись о ствол ясеня, и её зелёные одежды струились по телу, перехваченные двумя золотыми брошами и поясом. А ещё она светилась. Не тем обычным, противным, надоедливym светом, как всё вокруг – золото вперемешку с серебром, искры которого мерцали и на теле Эша... Как и всюду. Нет, она была подобна костру, человеческому костру – потому что только люди зажигают огонь, обожествляют его, фейри нет до пламени дела. И она была этим огоньком, факелом в ночи. Живым, настоящим.

Полукровка.

Где-то в чёрной вышине с неба сорвалась и упала звезда. Серебристая звёздная пыль осыпалась Эшу прямо в руки, и это что-то значило, что-то важное, но из-за проклятой головной боли Эш совершенно всё забыл.

Да, девочка-полукровка светилась и уютно пахла: свежим хлебом. И немного – дымом костра, как и положено факелу.

Эш, как дурак, замер на берегу ручья, разглядывая её. Как школяр, как мальчишка, как... человек.

Впрочем, сказать по правде, в Эше было куда больше от человека, чем от фейри. Но что делать – с волками жить... И таких вот девчонок Эш видел не впервые. Презирал их – всегда. В человеческом мире они разгребали золу в камин-

нах, выносили помои и слепли от бесконечного шитья. Зато здесь мнили себя чуть ли не королевами. Красивые, благодаря отцу-фейри, заносчивые, благодаря своей красоте, низкого происхождения, с нищими родителями (ибо какая аристократка отдастся фейри?) и выводком братьев или сестёр, без образования, без способности связать хоть два слова. Свет, аромат – всё это фейрийские чары. Стоит же к ней подойти...

А почему бы не подойти? Почему нет? Надо именно подойти, а не облизываться, как голодный пёс на кость. Пусть откроет рот и выдаст что-то вроде: «А шо те надо?», и всё очарование сойдёт на нет в одно мгновение.

Эш выдул из воздуха (и из собственной боли с примесью улыбки) розу цвета ночи, наполнил её ровным светом своего сердца, заставил распусться и засиять едва ли не ярче самой девчонки. И пошёл в атаку.

Девочка зарделась, рассмотрев его – и что-то внутри зашевелилось в ответ на её взгляд. Что-то хищное, что-то требующее немедленно взять её здесь, у этого вот ясеня. Девочка уже взрослая, а взрослые девочки-полукровки уж конечно не девственницы. Но игра была ещё не окончена.

Пари она приняла со спокойствием, достойным королевы. Да, говорила она правильно: может, была камеристкой при леди? Но, дурочка, с каких это пор служанки научились танцевать как господу? Или она от простой скромности стояла в стороне, а не кружилась вместе со всеми? Ну-ну.

Она опередила его, сама что-то шепнула Лесному королю. Тогда Эш впервые подумал, что девочка, наверное, не из простых. Быть может, Лесной король даже её отец. В этом не было ничего странного – он был тем ещё похотливым козлом, Лесной король. Эш как-то проезжал деревню, в которой каждый второй был его сыном или дочкой. Хороший тогда случился урожай...

Она шепнула, и по приказу короля поляна опустела. Умолкли на мгновение скрипки, зашептались, как листья на ветру, феири. Эш хмыкнул: конечно, это же пари. Феири обожают пари. На мгновение он даже почувствовал укол совести: девчонка опозорится при всех. Но потом боль снова стиснула голову и смыла жалость вместе с благоразумием, оставив лишь хищное удовольствие: давай, ну же!

Девочка отстегнула изумрудную, сверкающую в лунном свете накидку – и её тут же подхватили маленькие феири. Девочка не оглянулась – она смотрела только на Эша.

– Нет, – угадал он её мысли. – Танец всегда история, не так ли, малышка?

От обращения она поморщилась, но уточнила:

– И ты хочешь, чтобы я рассказала историю?

– Её часть, да. – Кривая усмешка вместо улыбки. – Другая часть будет моей.

Девочка пожала плечами и ослабила пояс на платье. Потом поправила волосы – прядка к прядке, и впрямь как королева. Один за другим сняла браслеты... «А ты полагала, я

стану тебе помогать? – думал Эш, наблюдая за ней. – Вести за собой в парном танце? Нет, и не надейся. У каждого – своя партия, если бы ты ещё знала, что это значит!»

Девочка последний раз посмотрела на него – сверкнули глаза в прорези маски – и отошла. Воздух натянулся, словно струна. Замерли светлячки, стрекотня фейри, бубенцы и колокольчики, даже ручей теперь не было слышно. Наступила так желанная Эшем тишина.

В ней пискнула, тонко, по-детски, скрипка – и в такт ей девочка осела на землю, как смятый цветок, как мёртвая птичка. Опустилась, вытянув руки, точно лебедь в модной постановке королевского балета. И замерла.

Удивлённый Эш тоже замер. И лишь спустя секунду – и требовательный стон скрипки – понял, что следующий шаг его. Девочка ждёт ответа.

Он подошёл к ней, тихой, точно мёртвой. Наклонился – и она скользнула ему в руки, ломким, неестественным движением, как кукла. Повисла в его объятьях, обхватив ногами бёдра, а её волосы, будто сами собой рассыпались ей по спине и ему по плечам. Она теперь пахла мёдом.

Где-то там, за границей поляны, в другой жизни и другой реальности скрипка надрывалась и стонала, но Эш слышал только её краем уха. Здесь и сейчас это было неважно – ничего не было важно, кроме танца. Как и любой фейри, Эш умел – и хорошо умел – танцевать, но эта девчонка-полукровка не просто танцевала: она как будто играла с ним угадайку. И он

позорно проигрывал.

Эш кружил её – а она ускользала. И уже не кукла, а бабочка, а потом сорванный цветок, подхваченный ветром, и, наконец, птица, летящая ему в руки – она снова падает ему в объятия. И опять сломанная марионетка. Эш пытался перевести танец в привычное русло, прижимал девочку к себе – она изворачивалась, обхватывала руками грудь, выгибалась... Он отталкивал её – она падала, перекатывалась, садилась на шпагат и тут же вытягивалась, молитвенно сложив руки...

Они не были равны в этом танце, как Эш и рассчитывал. Но он не думал, что девочка обойдёт его, что станет задавать тон в их «паре». Она что, из королевского балета? Но туда не отбирают девочек низкого происхождения. Где же она тогда научилась?

Закончили они, кружась в бешеном ритме, вцепившись друг в друга: никто не хотел уступать. «Не отпущу, – думал Эш. – Последняя нота будет моей». А девочка сверкнула улыбкой и вывернулась – всё выглядело так, будто он сам её отпустил. Вывернулась, упала, снова покатила по земле и замерла в той же позе, с которой начала танец. Певчая птица, свободная, как ветер, притворяющаяся сломанной марионеткой. Эш потянулся к ней – и последний аккорд рассыпался в натянутом струной воздухе.

Девочка откинулась назад, изогнулась, встретилась с ним взглядом. И Эш, глядя на неё весело подумал: «Я проиграл».

Никогда ещё эта мысль не приносила ему столько беспричинного удовольствия.

От рогатого фейри тянуло болью – сладкий запах тлена, Фрида чувствовала его, когда прижималась к партнёру – или скорее уж сопернику – во время танца. Боль объясняла безуминку в его глазах, она же была странным контрастом его внешнему виду. Наглец и хам, рогатый страдал. По коже пробежали мурашки. На мгновение Фрида уловила – не услышала, а почувствовала – его крик.

«Беги от него», – сказала Фрида сама себе. И сама же подалась рогатому навстречу, когда он наклонился к ней, помогая встать. Его рука обжигала.

– Где ты научилась так танцевать?

Фрида рассмеялась.

– Ты не часто здесь бываешь? – После танца обращаться к нему на «вы» было бы неправильно.

– Я не местный.

Фрида кивнула. Конечно, или знал бы о ней. Все знали: Фриду и её танцы любит Лесной король, она завершает каждый бал, но всегда одна. Никто не хочет встать с ней в пару, и неудивительно: никто из фейри не любит быть вторым. Лесной король, видя досаду на лице дочери, когда кавалеры-фейри обходили её стороной, всегда улыбался и говорил, что однажды она встретит достойного партнёра. Сам же король танцевал с Фридой всего раз – и никогда больше, сколь-

ко бы Фрида ни просила. Она до сих пор помнила это ощущение: словно танцевала с самим лесом. Кружилась на поляне, и лес отвечал ей. Тоже не на равных – как могут человек и сама природа быть равны?..

Сейчас танец напомнил бокал крепкого вина. Фрида не чувствовала восторга, хотя давно ждала, что её пригласят. Какой восторг – раз за разом окунаться в чужую боль? Даже прикосновения рука к руке горчили.

Воздух, до этого неподвижный, теперь дохнул ветром в лицо. Ледяным ветром. Фрида поймала ничего не выражающий взгляд Лесного короля и отняла руку, отвернулась. Правда, не успела сделать и шага.

– Куда же ты, танцовщица? – Горячие руки легли ей на плечи, обожгли сквозь ткань платья. – А как же твоё желание?

Фрида обернулась, собираясь сказать, что ей от него ничего не надо. Что может быть нужно от умирающего? А что он умирал, Фрида не сомневалась. Этот сладковатый запах тлена, фейри, отравленного железом... Ей не хотелось лезть в его болото боли, совсем не хотелось.

Тенями зашевелились вокруг фейри, снова зазвенели бубенцы и колокольчики, перед глазами качнулся знакомый уже ясень – и Фрида ахнула: рогатый незнакомец, не дожидаясь ответа, поднял её на руки и понёс к краю поляны, прочь от праздника. Фрида почему-то не сопротивлялась, наоборот, прильнула к его красивой – о, духи леса, действительно

очень красивой – груди. Закрыла глаза, откинулась, полностью расслабляясь в его руках. Чувствовать мужскую силу и надёжность ей было внове... и очень приятно.

– Так чего же ты хочешь, девочка?

Теперь они сидели на берегу озера, над которым парили светлячки. Стояла ненормальная, чуткая, тишина – Фриде казалось, что всё: и деревья, и трава, и даже луна со звёздами смотрят сейчас на них. Наблюдают. Наверняка так и было: лесному королю тоже было любопытно. «Это не твоё дело!» – мысленно возмутилась Фрида, но тут горячие руки рогатого наглеца коснулись её плеч, легли на броши, скрепляющие платье, и Фриде стало не до того.

Она дёрнулась – резко, сильно, но незнакомец рук не убрал. Это было... странно: ощущать его жар на своём теле вне танца. Это было... возбуждающе.

– Что ты себе позволяешь?

– А ты разве не этого хочешь, малышка? – сверкнул он улыбкой и качнул головой – звон бубенцов утонул в ненормальной тишине.

– Я не... – Фрида задохнулась, когда его руки всё-таки расстегнули броши, и ничем не сдерживаемая ткань стекла с её плеч, обнажив грудь.

Они смотрели друг на друга, Фрида и этот наглец. И Фрида сжала руки в кулаки, но не сделала ни движения, чтобы прикрыться.

Он потянул носом, снова звякнули бубенчики.

– Я чувствую страх, – его голос звучал удивлённо. – Чего ты боишься, девочка?

Она молча смотрела ему в глаза, а в голове билось: «Только тронь, и пощады не жди. Только тронь меня!» Он не мог читать её мысли, но не шевелился.

– Чего ты боишься? – повторил он. – Разве я не в твоей власти, маленькая танцовщица?

Фрида чуть расслабилась. Действительно: стоит ей хоть слово сказать, и он прекратит. Она усмехнулась.

– Прекрасно. Тогда скажи мне своё им...

Договорить она не успела: он приник к её губам и буквально выпил её слова вместе с дыханием. Фрида дёрнулась, укусила – их глаза снова встретились. Что-то... не боль и не жалость, а что-то совершенно другое, более древнее даже, чем магия заставило её остановиться и дожидаться, когда он её отпустит.

– Я... никогда... – Слова давались нелегко, но не потому, что Фрида стыдилась. Ей просто было тяжело дышать. – Никогда этого не... делала... И...

Он понял, и в прорези маски она увидела, как его глаза изумлённо расширились.

– Как это возможно? – Помедлив, он добавил: – Кто ты?

Она фыркнула. Какое право он имеет спрашивать?!

– А ты? Скажи мне своё...

Он снова не дал ей договорить. И после поцелуя шепнул на ухо:

– Пожелай что-нибудь ещё, красавица. Пожелай, и я сделаю тебе так хорошо, как никогда раньше не было.

«Самоуверенный наглец», – подумала Фрида, а вслух шепнула только:

– Ты и так это сделаешь.

Он шало улыбнулся, и его руки легли ей на грудь. Фрида в ответ распахнула глаза, выгнулась и закинула ноги ему на бёдра.

Оказалось, это тоже танец...

Её губы были сладкими – их вкус напомнил ему ягодную карамель, которую он так любил в детстве. И пахла девочка тоже сладко – больше никакой горечи дыма или уюта свежеиспечённого хлеба. Теперь только мёд, и этот запах почему-то не казался ему приторным или слишком сладким. А ведь раньше женские духи с похожим ароматом его раздражали. Только сейчас это были не духи – это её кожа пахла мёдом, кожа и волосы, когда она откинулась, изогнувшись, выставив грудь. Он держал девочку на руках, и её волосы достали до земли, а потом, когда она снова схватилась за его плечи, чёрные блестящие пряди укрыли её всю, точно плащ.

«Маленькая ведьма», – мысленно позвал он. Её светлая кожа, облитая лунным светом, врезалась ему в память. Кожа и её яркие, чёрные в сумраке глаза, и её губы, полные и тоже яркие – она кусала их. И дышала часто-часто, снова и снова откидываясь на траву.

Она действительно была невинна. Эш успел удивиться этому и ещё раз подумать: «Да кто же ты?» А потом девчонка – от боли или от возбуждения, или от того и другого – вцепилась зубами ему в плечо, а ветер распушил её волосы, снова окутав Эша медовым ароматом. Дальше думать стало уже совершенно невозможно.

– Будь со мной, – сказал он уже после, когда ночь перева-лила за середину, и девочка лежала рядом, расслабленная, нагая и очаровательно красивая – настоящая ведьма. – Кем бы ты ни была в человеческой жизни, будь со мной. Я сделаю тебя счастливой.

Она повернулась, по-кошачьи изогнулась и подперла щеку кулачком. Эш залюбовался тем, как лунный луч вырисовал в тёмно-синем сумраке её округлое бедро.

– Нет, не сделаешь.

Он усмехнулся. Она, конечно, не могла его узнать или бросилась бы ему в объятия сама. Но одно это предположе-ние смешило – он и не сделает!..

– Ты даже не знаешь, кто я.

Она улыбнулась, потянулась к нему и шепнула в губы:

– Не знаю. И не хочу.

Потом она выпила отголосок, само воспоминание о его боли, а Эш даже не успел удивиться. Небо с землёй поменя-лись местами и исчезли в тумане. Яркими и чёткими оста-лись только её глаза, её губы и маска, которую ему никак не удавалось снять.

А на рассвете она ушла.

В первых, робких ещё солнечных лучах, когда сумрак вокруг серел и тускнел, его рога и забавные, ёжиком торчащие волосы потекли и исчезли. Исчезли и копыта, и шерсть, точно у барашка, исчезла тоже. Фрида, приподнявшись, смотрела на своего любовника, уже больше прохожего на человека.

От него всё ещё пахло деревом и луговыми травами, приторно и немного терпко. Сладковатый запах тлена исчез – Фрида с трудом, но вспомнила, что сама забрала его, выпила вместе с очередным поцелуем. Что ж, это временно – боль вернётся. Но ещё не сейчас, не сегодня и не завтра. Пожалуй, это хороший подарок за действительно красивую, сладкую ночь.

Фрида смотрела: как сверкают на солнце его золотистые, почти такие же длинные, как у неё, волосы. Как он улыбается во сне, тихо и спокойно. Какой он красивый, гибкий и стройный – притягательный фейри. «Кто же ты?» – против воли подумала Фрида и тряхнула головой. Какая разница? Праздник кончился, кончилась ночь. Пора просыпаться.

Но ей всё равно нестерпимо хотелось снять с него, спящего, маску. Снять и посмотреть, увидеть, какой он настоящий. А ещё – остаться и притвориться, что это не жаворонок поёт в ветвях ясеня, а соловей.

Фрида посмеялась над собой, встала, наскоро оделась, собрала волосы. Стряхнула с себя пыль – ещё ночью она была

золотистой и светилась, а теперь погасла и посерела.

Закрыла глаза, глубоко вдохнула ароматный весенний воздух с ноткой приближающейся грозы. И неслышно пошла прочь.

Один раз она всё-таки оглянулась: на залитого солнечным светом спящего юношу в жемчужной маске. Покрытые росой ромашки и колокольчики вокруг него казались на удивление уместными.

Фрида вздохнула снова, отвернулась и исчезла за деревьями.

Ночная, погасшая роза рассыпалась пеплом под её босой ногой.

Междуглавье. Туман

Младший принц Филипп возвращался домой как всегда поздно. Инкогнито, без сопровождения – когда ты принц круглые сутки и почти всю жизнь вынужден провести в столице, постоянное внимание надоедает.

Филиппу, если уж честно, надоело не только внимание – ему всё надоело. Он, как гончая, бежал за новыми, яркими ощущениями, давным-давно стал завсегдатаем всех более-менее приличных столичных борделей (и в неприличных побывал тоже, по меньшей мере, раз), знал все злачные места столицы, имел друзей и осведомителей, за определённую плату готовых рассказать Его Высочеству о любых новинках... Но всё это быстро приедалось. Развлечений хватало на раз, на два – потом снова хотелось нового.

Филипп грустил и один бродил по городу, который давно уже знал, как свои пять пальцев. В городе о нём тоже, конечно, знали. «Молодого господина, которого нельзя называть» даже грабители не трогали – себе дороже, Филипп прекрасно мог за себя постоять. А убить принца – таких идиотов не находилось. За подобное можно запросто угодить в лапы к Серому, а это в сто раз хуже, чем виселица. Так что преступники на всякий случай обходили Филиппа стороной, что принца невероятно злило.

Сегодня была как раз такая ночь, когда Филипп злился – ничего нового, скука, безделье, туман. Усталый Филипп уже возвращался домой, в Сенжемский дворец, когда вдруг – наконец-то! – услышал что-то необычное. В тумане кто-то пел.

Само по себе это странным не было: очередная бродяжка заночевала на улице – дождётся, когда констебль на неё наткнётся и уведёт в отделение, потом отправит в рабочий дом. Или проститутка заметила Филиппа, не узнала в тумане и пытается привлечь клиента. Нет, то, что кто-то пел, странным не было: необычными были слова – язык показался принцу незнакомым. А ещё – мотив Филипп не узнал. Уличные певуны большим воображением не отличались: исполняли, что популярно. Тут же что-то новенькое, необычное и, безусловно, красивое. Даже не будь Филипп уже заинтересован, пройти мимо он наверняка бы не смог.

От выключенного на ночь фонтана к принцу навстречу

поднялась тоненькая девушка, еле-еле заметная в густом тумане. Длинные чёрные волосы до земли скрывали её лицо, тонкие руки-палки она протягивала к Филиппу неестественным, ломким движением. Как кукла-марионетка.

– Иди ко мне, – позвала она и тут же запела снова.

Дрожа от предвкушения – наконец-то хоть что-то новенькое! – Филипп пошёл.

Девочка пятилась, и туман укрывал её серыми волнами. Так, шаг за шагом, они пересекли площадь, оказавшись у самых ворот императорского дворца. Девочка остановилась под фонарём, замерла, опустил руки – только глаза смотрели на Филиппа зовуще, громадные, чёрные глаза.

Филипп подошёл ближе, рассматривая девочку в свете фонаря. Красивой она не была – слишком худая, если не сказать болезненно-тощая. Длинные волосы влажно блестели и скрывали фигуру девочки, но принц всё равно разглядел, что она одета в серое платье рабочего дома.

Это удивило его больше всего: даже если девочка сумасшедшая (что он сразу предположил), то как умудрилась сбежать (рабочие дома охраняются почище некоторых тюрем) и пересечь Нижний город, потом Средний, добраться до Верхнего – до самой императорской резиденции! – и остаться незамеченной?

Предвкушая тайну и развлечение, Филипп сделал ещё шаг и склонился к девочке – она с трудом доставала ему затылком до груди.

– Кто ты, малышка?

В ответ девочка запрокинула голову, и на принца глянули совершенно ясные, испуганные глаза.

– Господин, б-бегите! П-пожалуйста! – дрожащими губами шепнула она, и Филипп впервые почувствовал неясное беспокойство.

А потом за его спиной зарычали.

Обернуться Филипп успел.

И всё.

Глава 2. Майский праздник

Домой Фрида возвращалась не одна. «Не гоже такой крале одной до дому пехать», – говорила Кейт – деревенская ведьма из местечка Хэмтонкорт, неподалёку от которого Фрида купила коттедж четыре года назад.

Под «кралей» Кейт имела в виду себя. И неважно, что ей в этом году уже стукнуло шестьдесят. «Да ведь не то ж главное, – считала Кейт. – А главное – что тут!» И тыкала себя в грудь, где-то в районе диафрагмы. Именно там Кейт была ещё вполне ничего, а вот сердце у старухи пошаливало. Но это нисколько не мешало ведьме быть первой стервой на деревне. Многочисленная родня, как и соседи, дружно Кейт ненавидели и так же дружно боялись. Ведьму это совершенно не смущало.

«А шо ты улыбаешься?» – говор у Кейт был деревенский, да ещё и с такой мешаниной акцентов (в юности ведьма на одном месте долго не засиживалась), что впору было по её речи отслеживать всю географию империи. Иной раз, устав от болтовни «подруги», Фрида так и делала.

«Нет, а шо ты улыбаешься? Пусть хоть один! Один! Мужик скажет, что я не хороша». На этих словах Кейт ловила за локоть первого попавшегося мужчину (по крайней мере, два раза ей попадался упырь, но старуху это тоже не смущало) и строго интересовалась, красива она аль нет. Прямо как

злая королева у зеркала в известной сказке. Ответы особым разнообразием тоже не отличались. Фейри раскланивался и рассыпался в комплиментах. «Ай, шельмец!» – грозила ему пальцем Кейт. Человек терял дар речи, впрочем, ненадолго, потом находился и принимался на все лады расхваливать рассерженную ведьму. «То-то же», – снисходительно роняла тогда Кейт. Упырь же просто мычал, но о-о-о-очень восторженно. Кейт в ответ угощала его лопатой по темечку и поворачивалась к Фриде: «Видала? Сладка ягодка я, и все это знают. Красива, не то шо ты – отрастила себе. Потому шо всё у девицы должно быть в меру. Вот у меня – в меру». Фрида на это только смеялась: и в молодости у плоской, как доска, Кейт поклонников было пруд пруди. «Ни один не убежал!» – хвалилась старуха. «Не успел», – думала Фрида, но не возражала.

Кейт постоянно всё не устраивало. И фейри-привратник завесу между мирами долго открывает, и погода не ахти, и сумерки уже, «ах, зачем мы так поздно вышли?». И «ой, душно что-то», «ай, нога, понеси меня, деточка»... Фрида улыбалась и молча шла рядом, пытаясь вспомнить, что по программе необходимо срочно дать ученикам. Слушать болтливую ведьму было совершенно необязательно: она прекрасно разговаривала сама с собой. Даже пожелай Фрида, она вряд ли смогла бы вставить хоть слово.

Но на этот раз глазастая Кейт углядела на балу кое-что интересное и пристала с вопросами:

– И как он? Кто он, какая семья? Ты узнала?

Фрида, мыслями вся в легендах эпохи Седины, удивлённо посмотрела на спутницу.

– Кто?

– Ой, да не ломайся! Рогатый твой, с которым ты отплясывала перед этим стервецом. – Так Кейт величала Лесного короля, чьей фавориткой она в молодости успела побывать. – Ну, и как он? Поди, всю ночь потом проплясали? А? А-а-а?

Фрида со вздохом отступила подальше, но старуха, не достав локтем, ткнула её в бок метлой. (Метла на шабаш – это святое)

– То-то я чую, запах твой изменился... – Ведьма напоказ потянула носом, и Фрида тоже нервно принялась. Глупости, ничем странным не пахло: весенняя ночь, где-то неподалёку цветёт дикая яблоня, и всё. А старая болтунья просто нашла новую тему – лишь бы языком почесать.

– Ой, чую, изменился, о-о-ой! – простонала Кейт и тут же с любопытством собаки, увидевшей жирный кусок мяса у хозяина в руках, подскочила к Фриде. – Ты предохранялась?

«Тебе-то какое дело?» – тоскливо подумала Фрида, вспомнив, что, кажется, зелье от беременности на этот раз не пила. Столько лет к ней никто не подходил, и Фрида стала беспечной. Забывчивой. Но кто же знал? А, впрочем, всё равно это пустое. Один раз... Тем более, от него так тянуло железом...

Всё равно в будущем нужно быть внимательнее.

– Вот и я чую, что не предохранялась, – не унималась ведьма, с энтузиазмом лекаря давя на больную тему. – И запах твой изменился...

– Да что вы! – не выдержала Фрида. – И как же я пахну? Кейт снова потянула носом и подытожила:

– Странно. И не надо на меня так смотреть, деточка, я-то знаю, когда нормальное это «странно», а когда нет. Я столько родов приняла!.. Ты, если шо, меня зови, а не этих гордецов из столицы. Поняла? Я-то лучше их разбираюсь. А то эка невидаль – мужик у бабы роды принимает. А? Да шо они в нас понимают, эти мужики?

Фрида только молча вздохнула. С одного раза не беременеют, все это знают, и Кейт сама что-то такое говорила. Впрочем, чего только Кейт не говорила...

Фрида старалась не думать, что от такого «один раз не беременеют» родилась и она.

– Ты смотри, – продолжала Кейт, – от него железом несло – поди, или изгнанный, или подменыш, у людей всё мается. А раз мается, то где? Своей мамке нужен не был, думаешь, люди его приветили? Ха! Я, знаешь, на подменышей насмотрелась. И, ты думаешь, где? В домах этих срамных, где девки голые, а жрецы им всё позволяют. – Жрецов Кейт особенно не любила. Всех, независимо от бога, которому они служили. – И вот в домах этих они за деньги себя продают, как вещи какие. Фейри. Фу, срам!

«В борделях, то есть», – перевела Фрида. Насколько она

знала, фе́йри там днём с огнём было не сыскать, но за свою бурную жизнь Кейт, видимо, на одного всё-таки наткнулась. Запомнила и теперь промывает молодому поколению голову, рассказывая байки.

– Вот, туда подменьшей и сдают! – Кейт снова погрозила пальцем. – И шо? Среди этих вот, продающихся, отца-то своему дитю искать будешь? – И тут же: – Ты если соберёшься ребёночка травить, то до большого срока не тяни, слышишь? А то демоном-хвостом обзаведёшься, я-то знаю, сама видела...

– Ваш дом, – невежливо перебила Фрида, когда старуха, войдя в раж, не заметила собственную калитку и чуть не уткнулась в неё крючковатым носом.

Дом, как обычно, поприветствовал хозяйку весьма изобретательно. Большая (для одной сухонькой Кейт) хижина, скрипя, приподнялась, натужно повернулась и осела. Земля мелко задрожала в ответ. В чёрных провалах окон, не затянутых даже тряпицами, зажегся свет, а в очаге посреди хижины в висящем котле что-то тут же забурлило. В трубу повалил дым, возвещая всей деревне, что ведьма с шабаша вернулась – Фрида знала, что ей уже завтра понесут подношения: дичь, кроликов, овощи и крупы. От вредной колдуньи легче было откупиться, это все в округе знали. А то проклянет – а проклятья Кейт обычно держались крепко.

Натужно заскрипев, приветливо отворилась, повиснув на одной петле, дверь.

– О, как быстро дошли! – восхитилась Кейт, привычно швыряя метлу через низенькую кованую оградку (подарок местного кузнеца, на который скидывалась вся деревня, когда ведьме исполнилось шестьдесят). С той стороны раздался – тоже уже очень привычный – мявк чёрного, как ночь, кота. Фрида поморщилась. – В общем, поняла, деточка? Меня зови! – Кейт потопталась у калитки, провела узловатым пальцем по чугунным веточкам. Те затрепетали, как живые. – А не хочешь у меня переночевать? Темно уже, шо ты по сумеркам таскаться будешь, прямо как привидение какое. У меня на ночь оставайся, а с утра уходи.

Щедрое предложение, не знай Фрида, что в довесок к нему пойдёт уборка единственной в хижине комнаты. Сама Кейт никогда порядок у себя не наводила: эта честь всегда доставалась гостям. Наступишь на дохлую мышь – а хозяйка подзуживает: «Туда, туда её брось! Да ты пни её, ужо ж не встанет». Или от пыли закашляешься – а старуха уже метлу суёт, давай, дескать, работай. И не дай боги, отказаться... Хорошо если только сглазит.

Сглаза или проклятий Фрида не боялась, но предпочитала определённый комфорт.

– Спасибо, – натянуто улыбнулась она. – Но я лучше пойдду. Меня ждудт.

– Ой, да кто тебя ждёт! – хихикнула старуха. – Чай не этот, рогатый? Хотя, если из домов тех, то он, наверное ж, учёный, ясно, почему ты к нему так торопишься...

– Спокойной ночи, матушка. – Фрида поправила броши на плечах и отвернулась.

– Сама ею скоро станешь! – крикнула ей вслед ведьма. Напоминаний о своём возрасте она терпеть не могла.

Фрида только ухмыльнулась.

В деревне отмечали майский праздник, начало недели Цветения, поэтому к людям Фрида не пошла: обязательно бы заметили. Идти по ночному лесу тоже удовольствие небольшое, но красться (и впрямь как привидение) дальними и обычно тихими улочками к своему коттеджу, пока деревенские пляшут вокруг майского шеста и устраивают салочки за «майской девой», Фриде не хотелось. Отвести глаза всем селянам сложно, а риск, что наткнутся именно на неё, был велик. В лёгкой зелёной тунике, украшенной листьями, Фриду неминуемо бы приняли за «майскую деву» – воплощение весны. А потом бы до утра не отвязались.

Поэтому Фрида выбрала лес. Он майский праздник тоже праздновал, но по-своему: звенели сверчки, совсем рядом ухала сова, а где-то далеко дружно и очень музыкально, с душой выли волки. Фрида вдохнула напоенный весенним ароматом – цветы и немного дыма от костров в деревне – воздух, подхватила подол и, зевая, пошла по направлению к своему дому, игнорирую тропинку. Лесной король был её отцом, и лес никогда бы Фриду не обидел: деревья отодвигали ветви с её пути, под босые ноги услужливо стлался мягкий мох. Пару раз, бывало, слетит сова на плечо или заденет щёку крылом,

но Фрида тогда только улыбалась. Четыре года назад она специально искала себе коттедж у леса, чтобы можно было всегда уйти на «ту сторону», одной ногой на которой уже стояла старуха Кейт. Если очень-очень захочется. Если люди уж совсем надоедят.

А ещё, когда лес рядом, домой возвращаться очень удобно, если не хочешь, чтобы тебя заметили. В отличие от Кейт, которая, хоть на метле могла в трубу залететь, Фрида слыла барышней, богатой леди (пусть и самодуркой немного). Да, спустя четыре года деревенские уже что-то подозревали, но репутацией и свободой Фрида ещё дорожила, потому приличия соблюдала. Может, в свои шестьдесят она тоже сможет, хохоча, проноситься на метле над домами соседей. Но пока что и в человеческом мире находилась масса приятных вещей, которых Фрида не хотела лишаться. Неосторожная же ведьма легко могла попасть в застенки к Серому и никогда оттуда не вернуться.

Самая быстрая дорога к дому лежала по обрыву, с которого на деревню открывался прекрасный вид. Фрида как обычно задержалась здесь немного, глядя вниз: Хэмтонкорт сверкал и искрился огромным костром посреди главной площади и десятком маленьких, на улицах. Вокруг главного костра сейчас разворачивалась ритуальная битва: наряженный в женское платье сын старосты (смотрелся он очень потешно) возглавлял немногочисленную «армию» Зимы, которую теснили к полям люди Джека-в-зелёном, «весеннего короля».

Фрида высмотрела и выбранную «королеву мая» – в который уже раз ею становилась дочь местного кузнеца. В венке из полевых цветов она стояла у майского шеста – длинного дерева с обрубленными ветвями, украшенного гирляндами: белого боярышника, синего пролеска и нежно-жёлтого первоцвета. Войско Зимы тем временем швырялось в атакующих Летних соломой, Джек-в Зелёном грозно размахивал ивовым прутом, а его люди защищались берёзовыми ветвями. Потешная битва была в самом разгаре, значит, ещё нет полуночи. Хорошо. Фрида покосилась на всякий случай на небо – россыпь звёзд завораживала – кивнула своим мыслям и пошла дальше. Если поторопиться, будить Мэри, камеристку, не придётся. И можно надеяться на горячую ванну...

Уже у самого дома Фрида чуть нос к носу не столкнулась с оленем. Лесной красавец спокойно смотрел на неё, тут же напомнив о недавнем приключении. Чёрный нос дрожал, ловя запахи, нежные карие глаза отражали звёзды (по крайней мере, Фриде так показалось), а вокруг рогов вились жёлтые светлячки – так, что казалось, будто олень гордо несёт на голове громадную корону.

Фрида зачем-то поманила его, улыбаясь, но тут сбоку раздался треск – и олень исчез. Фрида оглянулась и сама едва успела отступить подальше в зелень. Что, ж понятно, кто разбудил лесного красавца. Первая майская ночь – прекрасное время для гаданий, и особенно неусидчивые девицы крались

сейчас через лес, как и Фрида, только замирая от страха и неся с собой фонарь в котором дрожал огонёк одинокой свечи.

Фрида отвернулась от резкого света и подалась ещё дальше в листву, дожидаясь, пока девушки пройдут мимо. Их путь наверняка лежал на тихое местное кладбище (за землёй с могилы или щепкой от креста) и Фрида от души пожелала, чтобы они не наткнулись там на Кейт. Старая карга любила по возвращении проверить парочку мёртвых.

Калитка в коттедж Фриды была вся увита цветочными гирляндами. Не потому, что слуги сделали хозяйке подарок – Фрида, конечно, не запрещала, но никто из них не стал бы без приказа ей плести. Нет, это был ненавязчивый намёк от деревенских: в гирляндах нет-нет да выглядывал нежно розовый сердечник, «кукушкин цветок», как величали его в Хэмтонкорте. Здесь верили, что это любимый цветок фейри, и если уж вплели его в гирлянды, то, можно сказать напрямую заявили: «Здесь живёт ведьма».

Ведьм деревенские уважали, да и Фрида крестьян не боялась: даже если кто-то и донесёт на неё, то всё равно им никто не поверит. Считалось, что ведьмы рождались только среди черни, к тому же, Фрида никогда не колдовала у себя дома. Глаз отвести случайному прохожему – это пустяки, а вот если из твоей трубы валит зелёный дым – конечно, Серый заинтересуется. Фрида душой не была и вела себя аккуратно. Для колдовства всегда можно выйти в лес, тот

защитит её и уберёжёт от чужого ненужного внимания. Так что снимать гирлянды Фрида не стала, а наоборот, погладила цветы и, не выдержав, зарылась в них носом. Пахли они волшебным и очень свежо, по-весеннему.

Слуги спали – горело только одно окошко, на втором этаже. Мэри наверняка зачиталась очередным сентиментальным романом и, конечно же, в комнате своей госпожи.

Фрида на всякий случай отводила глаза – мало ли какой любопытный следит сейчас за домом или выглядывает из окна. А так, заметит неясную тень, дымку – в сумерках и на такое увидишь. Неслышно проскользнуть в запертую дверь было просто, подняться по лестнице, застеленной коврами – ещё легче.

– Мэри, ванну, – приказала Фрида, появляясь на пороге своей спальни.

Мэри, рыжая девочка лет восемнадцати (камеристка досталась Фриде от матери, и сама Фрида возраст Мэри никогда не уточняла), вскрикнула и вскочила с кресла, в котором только что мирно сидела, укрыв ноги пледом. Сейчас плед соскользнул на пол, и Фрида с усмешкой подумала, что завтра у Мэри на ногах начнётся сыпь, которая через неделю превратится или в «воровка», или «завистница». Камеристка укрывалась хозяйским пледом, который Фриде после их первого совместного шабаша подарила как раз Кейт (ручная, кстати, работа – карга, порой, любила рукодельничать). А старая ведьма наверняка защитила свой подарок чем толь-

ко можно – в том числе и от возможности подарить его кому-нибудь ещё. Впрочем, Фрида и не пыталась.

– А я-я вас только зав-втра ждала, – промямлила Мэри, кутаясь в шёлковый халат, чёрный с вышитыми золотой нитью цветами. Тоже, кстати, хозяйский. Мэри это обожала. примерять наряды Фриды в её отсутствие. Фрида не была наивной дуручкой и прекрасно знала, что камеристка ей завидует: титулу, положению, богатству, роскоши... Даже красоте, хотя сама Мэри была куда как хорошенькая. Но вот длинные, до пят, волосы хозяйки не давали служанке покоя.

Впрочем, вслух Мэри свои чувства никогда не выказывала, была аккуратна, пунктуальна, старательна и превосходно умела делать причёски, которые не распадались потом весь день, что в положении Фриды было просто необходимо (когда у тебя длинные волосы до пят, очень накладно носить их распущенными).

– Ванну, Мэри, – повторила Фрида, усаживаясь в то самое кресло, с которого только что встала служанка. – Да ради всего святого, оставь в покое халат. Он тебе нравится?

– Очень, госпожа, – пролепетала Мэри, быстро забирая непослушные волосы под чепец.

– Тогда забирай, – разрешила Фрида и зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Спасибо, мэм! – разулыбалась Мэри, мигом повеселев. – Спасибо, спасибо, спасибо!

– Ванну, Мэри, – в третий раз повторила Фрида. И крик-

нула уже вслед служанке: – Воду сама не носи, растолкай лакеев!

Коттедж у Фриды был большой – ещё не совсем поместье, но и не деревенский (и уж тем более не городской) домик на два этажа с комнатами-малютками, в которых еле-еле двое-то помещались. В коттедже Фриды этажей было три да ещё жилой чердак, где спали слуги, и подвал, где находились кухня и прачечная. Ещё в саду имелась пещера для ледника, но она располагалась со стороны кухни, и Фрида там ни разу не бывала. И да, вокруг коттеджа был разбит сад – небольшой по меркам высшего общества, к которому Фрида (а точнее маркиза Фрида Вустермор) принадлежала. В саду имелся всего один фонтан, три увитых виноградом беседки и один пруд. Фриде хватало, садовнику тоже – ему как раз не пришлось нанимать помощника. А вот слуг в доме требовалось много (по меркам Фриды): кухарка (без неё никуда), камеристка (тоже необходима), три лакея, четыре горничные, экономка. И конюх, правда, он не относился к домашней прислуге и жил на небольшой конюшне: у Фриды всего-то было пять лошадей – для упряжки. Люди её положения такой штат прислуги сочли бы непозволительно маленьким, но Фрида ненавидела, когда по её дому шатается слишком много народу, к тому же, смутно знакомого. К тому же, Фрида любила комфорт и считала священным право проводить всю первую половину дня у себя в одиночестве («у себя» растянулось на весь второй этаж, принадлежащий

целиком Фриде – комнаты прислуги и рабочие помещения располагались или ниже, или выше). Прислуга в это время вела себя тише воды ниже травы: Фрида никогда их не колотила, но разжаловать за шум могла, а платила она очень хорошо, так что слуги за свои места держались.

Рядом с креслом на низеньком столике лежала книга – Мэри читала её, пока хозяйка не вернулась. Фрида взяла, повертела её, оценила обложку: красавица в роскошном платье молитвенно сжимает руки. Название внизу гласило: «Проданная в монастырь насильно, или Найти свою настоящую любовь в объятьях демона». Ещё ниже что-то тоже было написано, но слишком вычурно и оттого почти неразборчиво.

– Мэри? – не выдержала Фрида.

Камеристка, суетившаяся с сидячей ванной (её установили у камина и затем принесли воду разбуженные лакеи), как раз разбавляла холодную воду кипятком.

– Да, мэм?

– Почему название такое длинное?

Мэри нахмурилась.

– Не знаю, госпожа, но оно правда очень подходит! Господин Винтер... Это писатель, мэм, – объяснила Мэри, заметив недоумённый взгляд Фриды. – Он сказал, что таково название всей серии книг. И хотя демона прекрасная Мадлен только-только встретила...

– Погоди. Сколько же там... книг? – снова не выдержала Фрида.

– Двадцать... Но, наверное, будет пятьдесят. Недавно господин Винтер объявил о продолжении...

Фрида присмотрелась к книге внимательнее. Открыла.

«Её прекрасное тело трепетало в его горячих руках, когда он медленно, но настойчиво перебирал внутри неё пальцами, словно играл на потаённых струнах её восторженной души...»

Фрида захлопнула книгу. В ней точно была какая-то магия сродни привороту, но это волшебство было за гранью понимания Фриды.

– Мэм, у меня и начало есть, если вы хотите, – нарушила наступившую тишину камеристка. – Там Прекрасную Мадлен усыновляет жрец богини любви и учит её таинствам...

– Я тебя умоляю! – перебила Фрида. – Ты только в храме при настоящих жрецах ничего такого не говори, ладно?

– Что вы, госпожа, это же не запрещено!..

– Мэри, ты молодая красивая девушка... – Фрида покачала головой, отбросив книгу. – Зачем?

– Хочу своего демона. – Мэри зябко поёжилась, хотя в комнате было довольно тепло. – Вот у вас, наверное, демон есть...

– Мэри!

– Простите, мэм.

– Скажешь что-нибудь подобное при других, отрежу тебе язык, – совершенно серьёзно пригрозила Фрида.

– Не скажу, госпожа. – Мэри вытерла руки о передник –

халат она уже сняла и успела переодеться. – Всё равно мне никто не поверит, – совсем тихо закончила камеристка.

– Вот именно, – Фрида встала. От полной ванны приглашающе исходил пар. – Представь, как тяжело тебе будет найти нормального мужа немой. Или нормальную работу.

– Работу – нетяжело... Да и мужа тоже...

– Правда? – Фрида с намёком посмотрела на камеристку. – Хочешь, чтобы я облегчила тебе жизнь уже сейчас? Я вдруг подумала, что немая камеристка – идеал, который мне как раз очень нужен...

– Простите, мэм. Я буду молчать, как рыба. Как всегда, – перебила Мэри, конечно, ни на грамм Фриде не поверив. «Вот и будь после этого доброй хозяйкой», – со вздохом подумала та.

Мэри, тем временем, присев, добавила:

– Вам что-нибудь ещё нужно?

– Горячий шоколад.

– Сию минуту, мэм.

– И найди мою тетрадь с записями уроков. Она где-то на письменном столе. – Садиться за работу сейчас же совершенно не хотелось, но завтра в школе полу выходной, значит, занятия сократят, а послеобеденные уроки перенесут на одиннадцать утра. А Фриде бы хотелось поспать подольше и не встречать зарю за планами уроков.

Мэри ушла, дверь за ней со стуком закрылась, и в комнате наступила относительная тишина. В открытые окна, кру-

жась, залетали мотыльки, а вместе с ними – шум и смех празднующей деревни. Но всё это легко «перекрикивали» сверчки.

Фрида погасила газовую лампу. Огонь в камине тихонько догорал, сумерки в комнате сгустились. В сине-сиреновом сумраке, словно живые, задвигались тени. Глядя на самую тёмную из них – её тень, – Фрида медленно расстегнула броши. Платье с лёгким шорохом стекло к её ногам, и Фрида, зажмурившись, на мгновение вспомнила, как это было... почти так же... той ночью. И как потом горячие руки легли ей на плечи, а голос, приятный мужской голос звал её по имени.

Не открывая глаз, Фрида провела рукой по груди и ниже, к животу. Замерла. На какое-то мгновение ей показалось, что от живота исходит жар чужой магии. Но всего лишь на мгновение.

Между той ночью и возвращением Фриды домой прошло две недели – не так-то просто вернуться из страны фейри, даже если они сами тебя отпустили. Две недели, а как будто только вчера... «Я бы уже знала, будь я беременна, – подумала Фрида и тряхнула головой. – Всё эта старуха со своей болтовнёй». Как именно она бы узнала, Фрида на самом деле понятия не имела, но задумываться она не стала. Зачем беспокоиться о том, что ещё не случилось и неизвестно, случится ли? Глупо.

Платье Фрида по привычке отправила в огонь – и оно сгорело, как сгорел бы цветок: мгновенно съёжилось, почернело

и тут же рассыпалось пеплом. А броши превратились в бабочек, ярких, алых с фиолетовым, бабочек. Вспорхнув, они исчезли за окном.

Фрида проводила их взглядом, потом потёрла концы пояса друг о друга и шепнула:

– Тебя я тоже отпускаю.

Пояс в руках потяжелел – и соскользнул на пол.

– Ты мне только домашних не распугай, – попросила Фрида громадную гадюку, и та, качнув головой, тоже поползла к окну. Тихонечко.

Не обращая на неё внимания, Фрида прошла к зеркалу на столе и из резной, украшенной янтарём, шкатулки достала марлевый мешочек с твёрдым маслом для ванны. Вернее, смесью масел: мандарина, лаванды, сандала, с добавлением зёрен овса, лепестком розы и сушёных ягод чёрной бузины. Масло для ванны Фрида делала сама, как и почти всю свою косметику. И для матери, и для сестёр тоже. Даже Мэри кое-что перепало. Здесь Фрида позволяла себе немножко «поведьмачить»: всего-то приготовить по старинным рецептам правильно собранные травы или качественные масла, которые, правда, пришлось поискать, порыскать чуть не по всей империи. Но оно того стоило.

В воде от мешочка почти сразу пошла душистая пена – Фрида любила пену и всегда добавляла кусочек мыльного корня в свои масла. А мешочком с разбухшим овсом, ягодами и лепестками было приятно натирать кожу – она по-

том становилась восхитительно нежной и сладко пахла. То, что нужно после двухнедельной дороги домой. Тем более – Фрида отсчитала – завтра крайний срок, когда у неё должны были начаться месячные кровотечения, а с ними вот так за- просто в ванне не поваляешься. И так что-то они на этот раз задержались на пару дней. Но это бывает, из-за вуали между мирами. Первое время, приближаясь к ней, Фрида вообще теряла сознание. Сейчас стала выносливее, но иногда вуаль, граница, искрящаяся от магии, так что увидел бы и обычный человек, всё ещё отражалась на её здоровье.

Фрида откинула голову – затылок больно упёрся в край ванны. И на мгновение закрыла глаза...

– Ваш шоколад, мэм.

Фрида потянула носом и действительно почувствовала сладковатый аромат.

– Спасибо, Мэри. Поставь на столик.

– Да, мэм. И ваша тетрадь.

– Давай её сюда. – Фрида вытерла руку о заранее при- готовленное полотенце.

– Может быть, вам лампу зажечь, госпожа?

Фрида откинула голову, уселась поудобнее, аккуратно, чтобы не намочить страницы. Свет от огня в камине вполне позволял читать.

– Нет, спасибо. И ты можешь идти. Только пришли через час кого-нибудь, пусть уберут ванну.

– Да, мэм. Спокойной ночи, мэм.

– Спокойной ночи, Мэри.

Фрида ещё немного понежилась, читая. Потом промыла волосы – ромашка, зверобой, желтки куриных яиц и морская соль всё с тем же мыльным корнем. За это время вода успела порядком остыть, и вставала Фрида без сожаления. Она завернулась в полотенце и, когда – ровно через час – в комнату тихонько постучались горничные, Фрида уже сидела на пуфике у зеркала, водя черепаховым гребнем по мокрым, свивающимся в кольца, волосам.

Ванну унесли, и Фрида с облегчением вздохнула. Всё. Теперь она до завтра одна, можно расслабиться.

Гуляние в деревне потихоньку стихало. Фрида ещё немного поработала, подправив планы уроков. Потом, зевая, под «песню» сверчков перебралась на кровать. Спать хотелось невыносимо.

Огонь в камине почти догорел и давал лишь немного света – но в комнату заглядывала луна, и от её серебристого света было почти так же светло, как и с лампой. Недавно в таком же неверном свете... Фрида вздохнула и прогнала глупые мысли. Однако впервые в жизни ей не хотелось спать одной.

Под кроватью завозились.

– Робин, – давя зевок, протянула Фрида, привставая на локтях. – Ну как вы тут без меня? Всё было спокойно?

Брауни – маленького ростика старичок с коричневым, точно вымазанным в грязи лицом – взобрался на прикроватный столик и уселся, болтая ножками в ярко-голубых сапож-

ках.

– Всё, хозяйка, – со вздохом отозвался он.

Фрида потянулась, достала из дорожной сумки алый свёрток.

– Держи. Тебе за службу.

Брауни повеселел и свёрток взял с поклоном, хотя это давно уже стало традицией. Фрида быстро заметила, что её домовому нравятся яркие цвета, особенно красный, и приносила в гостинец с «той стороны» одежду. Первый раз Робин попытался возмутиться: что, дескать, не нравится моя работа, выгнать хочешь? Но потом (после примерки) решил, что и сам тут останется, и на мнение хозяйки ему плевать. А обновке он всегда рад, так-то. «Я против воли никого не держу, – сказала тогда Фрида. – А за службу тебе благодарна. Сам Лесной король дал мне кленовые осенние листья для твоего наряда». И польщённый брауни от гостинцев больше никогда не отказывался.

– У нас-то всё хорошо, хозяйка... – спрятав свёрток, начал Робин. – Правда, девица эта снова твои наряды мерила. И брошку с янтарём, ту, в виде стрекозы, себе забрала.

Фрида только отмахнулась. Брауни Мэри не любил – та почему-то вечно наступала на его миску со сливками. Или отдавала их кухонному коту, который, конечно, чужое (а тем более, фейри) не пил, но Робин всё равно обижался.

– И конюх с одной из горничных давеча на сеновале кувыркались...

– Робин! Есть что-нибудь, что мне нужно знать прямо сейчас?

– Всё нужно знать прямо сейчас, – отрезал брауни. – А то неправильно рассудишь, что важнее, потом плакать будешь, стенать, меня звать...

– Робин.

– Вот-вот, – вздохнул брауни. – У нас-то всё ладно, а вот в столице, говорят, мужчин режут.

Фрида снова зевнула.

– Ну и что? – А про себя подумала: «Ну не женщин же».

Малыш-фейри покряхтел, повозился и, наконец, ответил:

– Из наших кто-то режет.

Фрида вытаращилась на него в темноте.

– Из наших? В столице? Робин, ты говоришь глупости.

Кто из наших рискнёт колдовать в столице, под носом у Серого?

Брауни только плечами пожал.

– Кто-то рискнул. Посиди пока в сторонке, хозяйка, не суйся к родне.

– Они обо мне четыре года не вспоминали, – хмыкнула Фрида. – Так что не волнуйся, Робин, не вижу причин им звать меня сейчас.

Брауни как-то странно посмотрел на неё, но из-за сумерек Фрида не поняла его взгляда.

– Ещё Лесной король просит тебя о встрече.

Фрида тут же вспомнила оленя с рогами-короной. Ну ко-

нечно, король обожает показывать людям знаки...

– Зачем?

– Да откуда же мне знать? Приходи завтра куда обычно после заката.

Фрида снова откинулась на подушку и закрыла глаза.

– Я же только что от него...

– Хозяйка, если он будет просить найти того из наших, что человеческих мужчин в столице режет, не соглашайся, – решительно заявил вдруг обычно спокойный брауни. – Это верная смерть. Наши из города все бегут и такие слухи разносят, что даже пересказывать их страшно. Не езжай в столицу, хозяйка, тут пережди.

Фрида улыбнулась. Забота домового была приятна.

– Спасибо.

Робин, кряхтя, слез со столика.

– А детскую-то тебе обустроить? Если сейчас начну, как раз к сроку поспею.

– Что? – выдохнула изумлённая Фрида. – Какая детская? Робин, нет у меня ребёнка, ты что?

Брауни только хмыкнул да исчез в потёмках, а Фрида снова закрыла глаза. Наверное, кто-то опять добавил в его сливки маковое молоко. Или насыпал сахар, от которого Робин тоже пьянел. Сердобольная кухарка, бывало, это делала, а мак проливали одна из горничных. Случайно, но метко. Первый раз напившийся Робин буйнил, а после нёс окоlesiцу. Вот и сейчас снова, поди, напился. Слуги-то тоже начало мая

отмечали, вот и опоили случайно домового...

Фрида повернулась на другой бок и расслабилась. Вздохла, чувствуя, как затягивает её дрема. В голове вдруг мелькнула строчка из книги Мэри: «Её...тело трепетало... когда он... настойчиво перебирал внутри неё пальцами...» Память услужливо подкинуло Фриде воспоминание: как трепетало её тело, и как его пальцы играли на «струнах её души».

Улыбнувшись, Фрида во сне снова скользнула на ту поляну у озера. И снова наглец-фейри обнимал её, только рогов у него больше не было, а концы его волос падали Фриде на плечи. Он шептал, какая она красивая, а его руки гладили её спину, и Фрида замирала от удовольствия. У него были просто волшебные руки.

Маски на нём больше не было, только его лицо Фрида всё равно никак не могла рассмотреть.

Глава 3. По приказу императора

Домой Эш возвращался не один.

На границе с Виндзорским лесом его ждал Ричард – герцог Видзор, двоюродный кузен императора и наследник рода королевских магов. Точнее, настоящий герцог Виндзор и настоящий наследник рода... И так далее. Настоящий.

Но все эти титулы – и даже до поры до времени имя – носил Эш.

Из леса Эш выходил вместе с туманом и под вороньи крики. Как обычно. Ничего не меняется. Больше десяти лет ничего не меняется!.. Эш всем сердцем ненавидел рутину – это досталось ему от людей: феэри могут годами танцевать на балу, и всё их будет устраивать, а людям нужны постоянные перемены, только тогда они чувствуют себя живыми.

Туман на границе с Видзорским лесом словно бы никогда не поднимался. Впрочем, он хотя бы был серым, а не желтовато-белёсым, как в столице. Зато вороны кричали надсадно и хрипло, будто дружно пророчили Эшу все беды разом.

Ричард – тоже как всегда – ждал Эша у калитки с кладбища. Как обычно с плащом в руках. И тоже как обычно сначала поклонился Эшу до земли, проронил: «Господин». И так замер.

Эш, на которого туман всегда навевал меланхолию, тоскливо посмотрел на настоящего герцога Видзора. Темново-

лосый, как и все в его роду, с острыми тонкими чертами, он чем-то отдалённо напоминал императора, но ещё больше – своего отца. Того самого, что пятнадцать лет назад окинул худенького черноглазого подростка в обносках равнодушным взглядом и приказал дворецкому отвести мальчишку на кухню, накормить, а потом отправить в рабочий дом, где ему самое место. Или вернуть в тот приют, откуда Эш его, несомненно, вытащил. И не беспокоить благородного лорда по пустякам, особенно, когда он ещё не допил свой вечерний шерри.

Разговор с настоящей матерью Ричарда оказался ещё короче: она при виде «бедного мальчика» сначала упала в обморок, а потом приказала камеристке подарить испуганному Ричарду пирожное. На этом материнское участие в его судьбе закончилось.

С тех пор Эш начал людей презирать. Если родители не узнали своего сына, который так похож на них, который их кровь от крови – то на что годится род людской? Все они предатели, подумал тогда Эш. В пятнадцать ему легко удавалось стричь всех под одну гребёнку. Позже он немного скорректировал свою жизненную позицию. Но лишь немного. В большинстве своём люди, по его мнению, были равнодушными, холодными, опасными лгунами. Эш презирал их, всех до единого, начиная с собственных якобы родителей до императора, с которым приходилось «дружить» с детства, и заканчивая слугами. Особенно доставалось гувернёрам, а по-

сле них и школьным учителям.

Единственным человеком, которого Эш выделял, был Ричард. Больше того – Эш считал его братом. В каком-то смысле, так ведь и было.

Всё началось ни много ни мало пятьсот лет назад (плюс-минус век), когда предок Ричарда, бывший тогда ещё ого-го каким чародеем, крепко повздорил с одним из фейри. Магическая дуэль у них состоялась, но и человек, и фейри оказались равны по силе. В итоге, чтобы хоть как-то насолить сопернику, они друг друга прокляли. Первым начал фейри: он пообещал, что на седьмом сыне седьмого сына род Виндзоров угаснет. Маг ему вторил, сказав, что за проклятие гордый фейри заплатит своим ребёнком. На том и расстались.

Седьмым сыном седьмого сына (считая мертворождённых и умерших в младенчестве) стал Ричард. Его склочного предка к тому времени давно уже не было в живых, а Дикон только-только родился и о проклятье, конечно, ничего не знал. Его родители о нём тоже не знали. Магия в их роду за поколения ослабла, знания были утеряны – в общем, ни отец, лорд Виндзор, ни тем более его супруга, в девичестве леди Олейя, никак сына не защитили. Зря – той же ночью фейри, который эти за пятьсот лет нисколько не изменился, пришёл в их дом, забрал малыша Дикона, оставил своего «подменыша» и был таков.

Никто ничего не заметил. Чету Виндзоров совсем не смущало, что их сын рос пухленьким блондином, в то время как

в их роду, и в роду матери все были тощими брюнетами. Это ещё про рога никто не знал... А копыта у Эша прорезались только в школе. Впрочем, одновременно с этим обнаружилась и возможность менять внешность. Чуть позже от копыт Эш избавился – гадость мешала ходить. Рога тоже удавалось скрывать – увы, сколько их не спиливай, они росли снова. Но Эш приноровился их рост замедлять. Куда сложнее дело обстояло с глазами – цвет они неожиданно сменили в тринадцать, став ярко-зелёными. Нечеловечески-ярко-зелёными. Приходилось постоянно поддерживать морок, от него глаза болели... В общем, сложно было фейри жить человеком.

В пятнадцать Эш добрался в семейном архиве до нужного тома хроник, где описывалась ссора пятисотлетней давности. Эш быстренько прикинул что к чему, посмотрел на себя в зеркало, люто разозлился и сбежал из школы. Впрочем, это никого не удивило – Эш и до этого сбегал. Что он фейри, Эш понял ещё в десять лет, когда лес впервые позвал его. Лес и огонь. Но раньше он просто бродил на границе, и дальше, в стране фейри. Теперь у него была цель – найти настоящего отца и всё ему высказать. Для большего веса сказанного Эш прихватил с собой железо. Это его и спасло.

Фейри время от времени забирали человеческих детей, это правда. С одной целью: в стране фей должны быть слуги, а правильно воспитанные люди служили с охотой. В этой роли Эш и встретил Дикона, сразу узнал и после поединка, ранив отца (Эш до сих пор надеялся, что смертельно), забрал

настоящего наследника Виндзоров домой. Он хотел вернуть приёмным родителям настоящего сына и благородно исчезнуть, навсегда переехав в страну фей.

Виндзоры сына не узнали, чем разрушили радужные планы юного Эша. Всё, чего ему удалось добиться – разрешения взять Дикона в личные слуги, валеты. Хорошо, что Ричард перемену места жительства воспринял спокойно, а вот дружбы у него с Эшем не вышло. Целью своей жизни Дикон видел одну лишь службу (хорошо феи детям мозги промывали), а слуга не мог быть на одной ступени с господином. Так что, сколько ни просил и ни требовал Эш вести себя свободно, как с равным, это был единственный приказ, который Ричард не мог исполнить. Только пугался – если Эш очень настаивал. Становиться настоящим герцогом Виндзором, даже после смерти родителей, он тоже ни в какую не желал. Да и это уже было невозможно...

Вот и сейчас Эш только со вздохом окинул взглядом склонившегося перед ним «брата», тоскливо поморщился и хрипло попросил:

– Дикон, ну сколько можно!

Ричард, выпрямляясь, только улыбнулся быстро – улыбка мелькнула на тонких губах да тут же пропала – и набросил на Эша тёплый плащ.

– Ты же привёл нам коней? – Эш потянул носом. Кони и правда были, рядом, невидимые из-за тумана. Только, почему-то, больше двух. Намного больше. Зачем?

Подувший с полей холодный ветер на время разогнал туман – ненадолго, скоро он волнами наползёт снова. Но сейчас его клочки маленькими облаками полетели к болотам южнее леса. А Эш разглядел карету и шестёрку лошадей. На козлах посапывал кучер.

– Дикон? Какого?..

Ричард снова улыбнулся, на этот раз словно извиняясь.

– Император просит вас в столицу немедленно.

Эш запрокинул голову и застонал. А потом высказал хмурому небу, что он думает об этом ленивом кретине в короне, который уже за... И так далее.

Кучер проснулся, завозился на козлах, кутаясь в плащ.

– Вы закончили, господин? – участливо поинтересовался

Ричард. – Я взял на себя смелость привезти вам виски. В деревне неподалёку варят прекрасный виски, вы знали?..

– Да, потому что только пьяным я могу вытерпеть дорогу через полстраны «срочно в столицу» по приказу этого... идиота. Он что, без меня и месяца не выдержит? Сколько ему ещё нужно!.. А, ладно. Идём... Но вот делать мне сейчас нечего, только к нему тащиться!..

– Господин, чем больше вы сожалеете, тем горше становится ваша беда. И ужаснее настроение, – с улыбкой добавил Ричард. Его улыбка – единственное, что освещало сейчас для Эша это хмурое утро.

– На моём месте должен быть ты, – не выдержал он. Эш обожал ворчать на этот счёт. А Дикон всегда отвечал одно

и то же:

– Нет, господин. Каждый находится на том месте, где должен. – А сейчас ещё и прибавил: – Его Величеству нужен маг, а мои скудные способности...

Эш хмыкнул.

– Маг? Что случилось?

– Позже, господин. Сначала выпейте. – Ричард услужливо открыл дверцу кареты.

«Значит, мне это «что-то» не понравится», – перевёл Эш и забрался внутрь. Дикон, отдав приказ кучеру, последовал за хозяином.

Виски и впрямь был хорош – Эш отключился за какие-то пять минут. А во сне он снова танцевал с нею... И её проклятая маска всё никак не снималась!

Под конец она вовсе обожгла ему руки, точно железо, и изумлённый Эш подался назад... И чуть не вывалился из кареты.

Растрёпанный Ричард втащил его обратно и закрыл дверь.

– Господин, прошу... – тихо, успокаивающе шептал он, обтирая лицо Эшу мокрым платком.

Эш отфыркивался, уворачивался, а потом в глаза бросился горящий алым железный крест с петлёй, который аккуратный Ричард всегда носил под рубашкой, да ещё и шейным платком закрывал. Сейчас он болтался на виду, платок отсутствовал, а ворот был порван.

Эш скосил взгляд на свои руки – с правой ладони исчезал

крестообразный ожог.

– Господин?

Эш перевёл взгляд на Дикона.

– Всё. Больше не пью.

– Конечно, господин, – как ни в чём не бывало кивнул

Ричард. – А больше ничего и нет. Я только одну бутылку взял. Надо было две?

– Не надо было вообще ничего брать. – Голова снова болела, и от этой боли Эшу хотелось выть. – Заедем в наш дом... в столице. Отдай кучеру приказ.

– Да, господин. Могу я спросить, зачем?

– Ты переоденешься.

Ричард снова мельком улыбнулся.

– Благодарю, господин, но...

– Не спорь.

Какое-то время в карете царила тишина. Очень относительная: колёса стучали по камням дороги, снаружи шумел листьями ветер, звонко «переговаривались» птицы, и где-то неподалёку что-то хором пели работающие в полях крестьяне.

– Господин, могу я спросить?

Эш удивлённо отвёл взгляд от окна. Ричард смотрел на «брата» спокойно – впрочем, он всегда был спокоен, – но сейчас за этим спокойствием проглядывало плохо скрываемое любопытство.

– Спрашивай.

– Вы разговаривали во сне. С девушкой. Кто она?

Эш хмыкнул и вспомнил, что даже не узнал у девочки имя. Потом ещё вспомнил, как проснулся один – она ушла. Она, оставила его, как!.. Как он всегда оставлял таких вот девчонок. Оказаться на их месте было неприятно.

– Не знаю. Полукровка. – Эш пожал плечами. Потом подумал и добавил: – Красивая.

– Полукровка. – Огонёк любопытства в глазах Ричарда угас. – Да. Конечно.

– Ну и что? – Эш снова попытался поймать взгляд Дикона. – Что с того? Они всегда полукровки. Благо в них нет недостатка. Особенно у меня.

– Конечно, господин.

– Дикон! Говори.

– Простите, я просто подумал, что в вашем возрасте уже необходимо задуматься о наследнике...

Эш опешил.

– Какие мысли... лезут тебе в голову!

– Простите, господин. – Дикон смиренно рассматривал свои колени, но в его голосе слышалась улыбка. – Просто Его Величество уже три раза вам намекал об этом, а наш император не славится терпением...

– Да какое этому кретину дело?!

На этот раз извиняться Ричард не стал. Он поднял голову и спокойно ответил:

– Вы герцог, единственный из рода, который столетия

поддерживает порядок в империи. Вы богаты и влиятельны. Кому вы передадите всё это? Если умрёте или захотите уйти... на «ту сторону»? У вас должен быть наследник, господин. И вы это знаете.

Эш откинулся на спинку обитого бархатом диванчика и болезненно поморщился.

– Дикон. Ты меня расстраиваешь.

– Прошу прощения, господин. Может быть, рассказ о той девушке вас отвлечёт? Кажется, она вам очень понравилась. Вы так настойчиво пытались узнать, кто она.

Эш спрятал руки за спину и вздохнул. Пытался, да. Отвлечёт – тоже, наверное, да.

– Она... очень красиво танцует. А ещё она, кажется, редкостная дура.

– Почему, господин? – спросил Ричард, когда пауза затянулась.

Эш поморщился.

– Я предлагал ей уйти со мной. Она отказалась. Она даже не захотела узнать, кто я. И сама своё имя не сказала.

– Если вы позволите, господин, то мне кажется, что это очень умный хо...

– Заткнись.

Карету снова наполнила тишина. Такая же, впрочем, относительная.

– Прости, – выдавил, наконец, Эш, глядя на проносящиеся мимо поля. Однообразные серо-зелёные поля. В затума-

ненных от боли глазах Эша они превращались в пятна на панцире жука, который летел куда-то... Всё летел...

– Ваша голова снова вас беспокоит? – участливо поинтересовался Дикон.

Эш промолчал.

– Господин, у меня есть маковая настойка, в прошлый раз она вам очень помогла...

– Нет, – отрезал Эш. От мака голова прекращала болеть, но начинала кружиться, и думать трезво потом не получалось ещё долгое время. Ехать в таком состоянии к императору – самоубийство. Обдерёт как липку, а потом проснёшься женатым на одной из его любовниц. Нет уж, пусть лучше голова болит.

– Как скажете, господин.

Поля за окном сменились редкой рощицей – эти искривлённые берёзы Эш помнил ещё с детства. Их сажали люди, и от близости к столице они выросли ущербными, больными, полумёртвыми. Эш мог закрыть глаза и увидеть только золотые пятнышки, очень маленькие и очень редкие – так мерцала в этих деревьях жизнь. Тот же Виндзорский лес, напротив, сиял, как прожектор. А здесь... «Люди, – с ненавистью думал Эш, глядя на кривые деревца. Даже листья на них были не зелёные, как должно, а буро-жёлтые. – Люди вечно всё портят».

В этот момент Ричард потянулся и задёрнул занавеску. А, поймав взгляд Эша, улыбнулся.

– Вы каждый раз начинаете злиться, когда мы проезжаем это место.

Эш хмыкнул.

– Ну и что?

– Прошлый раз вы прокляли проходящих мимо молочниц, – снова улыбнулся Ричард.

Эш снова хмыкнул.

– Ну и что?

Ричард улыбнулся шире.

– Господин, они были не виноваты, что попались вам под горячую руку...

– Умолкни, – бросил Эш, снова отодвигая занавеску. – И не думай, что если я не буду смотреть в окно, моё настроение улучшится.

Ричард промолчал, как и было приказано. Он часто просил Эша за кого-нибудь – слуг, крестьянок и даже полукровок. Просил часто, а слушал его Эш редко. Зачем? Жалость к себе подобным свойственна всем живым существам, в Ричарде говорит именно она, а в Эше – разум... или боль. Или злость. Какая разница? Люди так же нужны в природе, как и жуки. Если жук кусает, человек убьёт его, не задумываясь. И даже если жук просто проползает мимо, человек может его прихлопнуть. Людей Эш часто мысленно сравнивал с жуками: очень уж хорошая получалась аналогия. Их так же много, они так же надоедливы, их так же легко убить, а ещё они так же вредят всему вокруг, включая самих себя и, что

ещё хуже, природы.

В общем, филантропом Эш не был.

Дорога стала лучше, карета больше не подпрыгивала на ухабинах и не проваливалась в ямы, зато воздух испортился. Жёлтая дымка тумана висела над столицей всегда, словно город был проклят. И сейчас – вот только что светило солнце, но словно бы карета пересекла невидимую черту: погода ухудшилась, воздух стал влажным (чувствовалось близкое присутствие реки), зловонным, и гул города всё нарастал, пока Эшу не показалось, что он разорвёт уши... Но чуткий слух фейри просто слегка притупился – звуки стали доноситься словно сквозь вату.

Так бывало всегда. Закрыв глаза, Эш видел этот город другим: огромный жирный паук, подтягивая лапами, пожирал всё новые и новые жертвы, и сейчас Эш ехал как раз этому пауку в пасть. Сам, по доброй воле.

Душный, громкий, очень людный город Эш ненавидел. Ненавидел его зловоние, его постоянную пыль и копоть, болезненного цвета туман. Этот город был сосредоточием людей, и для Эша олицетворял всё человеческое: грязь, боль, тоску, равнодушие. При первой же возможности Эш норovil сбежать, но его обязанности при императоре слишком часто требовали личного присутствия. Если бы не Ричард, фейри нечего было бы здесь делать. Весь город смердел и дышал жаром раскалённого железа. Но Эш не мог забрать Дикона обратно в страну на «той стороне», где Ричард был бы

рабом любого фэйри. Здесь Дикон подчинялся только Эшу, и Эша это более чем устраивало. Если бы он только мог вернуть «брату» свободу! Если бы только знал, как!..

Но он не знал и не мог, а Ричард зависел от него, и потому Эшу приходилось всё это терпеть. Его характер это не улучшало.

Столичный дом Виндзоров больше напоминал дворец – с ним могла соперничать только резиденция императора – и находился в Верхнем городе, на холме, откуда Сенжерменский дворец был виден. Чтобы попасть туда, даже самым коротким путём (через Южные ворота) требовалось проехать весь Нижний город, пересечь Средний, почти весь Верхний – и только тогда личная пытка Эша заканчивалась. Хорошо, что из особняка Виндзоров в королевский дворец путь был сравнительно лёгок и без лошадей (которых Эш тоже презирал за то, что покорно носят людей). Дворец и особняк – как и почти все дома аристократов, Верхний город и Средний – соединяли воздушные поезда. Таким образом, время в пути сокращалось от получаса до десяти минут. Эш мечтал, чтобы сеть воздушных поездов соединила столицу с провинциями, тогда бы он мог доехать до Виндзорского леса и вуали на «ту сторону» за час. Но, с другой стороны, император бы тогда вызывал его в столицу чаще, а отпуск Эша сократился. В жизни людей у всего есть плюсы и минусы.

Уже подъезжая к Верхнему городу и вдоволь налюбовавшись на столицу, Эш вдруг вспомнил:

– Так что случилось? Ты говорил, что знаешь, зачем меня зовёт этот кре... император.

Дикон встрепенулся, поднял на Эша глаза.

– А вы не чувствуете?

– Что? – Вопрос прозвучал слишком резко, но Ричард спокойно продолжил:

– Это... Ужас. Даже я чувствую, а я ведь... – Он замялся. – Вы должны ощущать это в разы сильнее.

Эш изогнул бровь. Столица никогда не была для него райским местом, и, хм, одним ужасом больше, одним меньше...

– Дикон, ты хочешь поиграть в загадки?

Ричард вздрогнул – когда фейри играли в загадки, добром для человека это никогда не кончалось.

– Прошу прощ...

– Тогда говори, что случилось.

Ричард покосился на окно: дорога как раз круто свернула, и из-за поворота показался холм с Сенжерменским дворцом. «Как всегда уродливый», – подумал Эш.

– Принц погиб.

Эш чуть не расхохотался.

– Филипп? Наконец-то! А то я думал, сам его прибью. И что, император желает, чтобы я казнил убийцу? Всего-то?

– Убийцу не нашли, господин. Его Высочество стал первой жертвой: с тех пор погибли ещё четверо из Верхнего или Среднего города. И все мужчины.

Эш фыркнул. С его точки зрения, если кто и давит этих

жуков, то пусть продолжает. Но теперь ясно: бесполезные, беспомощные людишки боятся за свои жизни, а найти убийцу не могут. Кто же им ещё поможет!..

– Ясно, – только и сказал он. – И убивают, конечно, ночью.

– Да, господин.

Ну ещё бы: самое страшное и таинственное для людей время. Когда ж ещё, если не ночью?..

– До заката ещё часа четыре, значит, ужинаем мы дома.

– Господин, но Его Величество приказал сроч...

– А я желаю ужинать дома, – отрезал Эш.

Дикон промолчал.

Столичный особняк Эш тоже не любил, он очень напоминал ему о детстве, которое Эш мысленно сравнивал с тюрьмой. А уж как Эш ненавидел вышколенных слуг, предупредительного дворецкого, вечно улыбающуюся экономку и эти проклятые ковры, всюду ковры, выцветшие, блёклые, с непонятными рисунками... Их коллекционировал отец (он называл их гобеленами) и в них он вложил ту малую долю магии, которой владел: проклятые ковры невозможно было отодрать от стен. Покойный лорд Виндзор был не ахти каким магом, но тут он так постарался, что Эш как-то неделю пытался распутать его заклинание, и всё без толку.

И сейчас ковры смотрели на Эша со стен холла: все эти молящиеся рыцари и чахоточные девы с единорогами. Бр!

– Господин, – послышался за спиной голос Ричарда, и Эш с трудом отвёл взгляд от змия под копытами коня на очеред-

ном гобелене.

– Что ты так долго там копался?

Ричард вместо хозяина приветствовал выстроившуюся во дворе прислугу. Эш терпеть не мог этот обычай, поэтому, как всегда ни на кого не обращая внимания, сразу прошёл дом, а одаривать слуг шиллингами остался Ричард. Все к этому давно уже привыкли.

– Простите, гос...

– Ты распорядился насчёт ужина?

– Милорд, ужин будет готов через час, – вмешался дворецкий, как всегда безупречно поклонившись. – Будет ли кто-то приглашён?..

– Он. – Эш невежливо ткнул в Дикона пальцем.

Ричард и так никогда не ел с прислугой, так что требование Эша дворецкого не удивило.

– И с его одеждой, – вспомнил Эш, кивнув на Ричарда. – Разберитесь. Дикон, приведи себя в порядок.

– Да, господин.

Позже, когда Дикон в сопровождении лакеев поднялся на второй, «хозяйский» этаж – его комнаты располагались рядом с комнатами Эша и ничем им не уступали – дворецкий остался выслушать, какие у хозяина могут быть ещё приказания.

Они были.

– Я там видел девушку у крыльца... рыжую. – Эш снова принюхался. Слабый запах свежего хлеба, которым пахли

полукровки, ему точно не померещился.

– Это Бетси, милорд, – кивнул дворецкий. – Посудомойка. Она из...

Эш отмахнулся.

– Пришли её ко мне. На этом всё.

Дворецкий снова поклонился в ответ.

Дом был готов к приезду хозяина – о котором дворецкий с экономкой явно были извещены заранее. Зевая, Эш нашёл в своей спальне горячую ванну, куда тут же с удовольствием плюхнулся. Рядом, на низеньком столике стоял кувшин с молоком и пряностями. От напитка Эшу немного полегчало, и настроение чуть-чуть улучшилось.

Через час, когда Ричард постучался к хозяину сказать, что ужин готов, дверь в комнату оказалась открыта, на полу лежала рыженькая посудомойка, а Эш, стоя над ней, задумчиво грыз яблоко. Заметив в дверях Ричарда, он только руками развёл.

– Фо? Я фыл фолофен. – Потом, проглотив остатки яблока вместе с огрызком, добавил: – Она жива. Расслабься.

– Да, господин. Ужин накрыт.

– Хвала богам, я всё ещё умираю с голода!

Это Эш тоже делал почти всегда: по приезде звал к себе какую-нибудь полукровку, причём неважно, какого пола. Их среди слуг всегда хватало. И выпивал магию иногда досуха – для этого фейри хватало одного прикосновения. В результате бедняги отправлялись на больничную койку, а Эш на пару

дней смирялся с серой столичной действительностью: голова переставала болеть, а близость железа – отравлять. Прислуга относилась к этому с понимаем: платил герцог хорошо. А богатый лорд мог позволить себе некоторые причуды.

За ужином царила тишина, если не считать хруста: Эш уминал свежую цветную капусту. С аппетитом. Все деликатесы как всегда достались Ричарду, Эш, как истинный фейри прекрасно мог обойтись «подножным кормом» – травой и цветами. Когда были живы лорд и леди Виндзор, ему приходилось, конечно, есть то же, что и они. И безбожно толстеть, потому что мясо ни одному фейри не идёт на пользу. Зато после их смерти Эш стал красавцем хоть куда, а повару пришлось уяснить, что хозяин любит свежую траву. И фрукты с овощами, тоже свежие. И цветы, особенно розы. Впрочем, Эш питал страсть и к кошачьей мяте: её дворецкий подсовывал хозяину, если тот находился совсем уж в чёрной меланхолии. Тогда Эш резко веселел и перебирался в сад под яблоню. Была у Эша там любимая яблоня, под которой ему нравилось лежать даже зимой. Ещё одна маленькая странность сиятельного лорда.

– Господин? Вы хотите, чтобы я поехал к императору с вами? – нарушил затянувшуюся тишину Ричард.

Дворецкий тем временем разлил по бокалам вино.

– Угу. – Эш жестом приказал принести вместо вина воду.

– Господин, я только хочу напомнить, что мне не место...

– Поедешь, – отрезал Эш, прекрасно зная, что спорить

группо. Лет в пятнадцать он ещё взрывался: «Твоё место быть герцогом, твоё, а не моё!» Ричард всегда молчал, непонимающе глядя на Эша. И только.

Дворец Ричард не любил, наверное, так же, как и Эш. Правда, по другой причине. Эшу не нравилось железо, от которого не спрятаться, не нравились слуги-марионетки и дико не нравился император. Ричард не любил застенки, которые Эш по долгу службы посещал всегда. Он мнение хозяина о людях как о жуках не разделял.

Эш, со своей стороны, таскал с собой Ричарда везде, где мог – как любимую куклу. С куклой Ричарда сравнивал император, и за это Эш не любил его ещё больше.

Так что в вагоне воздушного поезда и Эш, и Ричард были одинаково задумчивы. Ни тому, ни другому не хотелось здесь находиться. Эш маниакально щипал фиалки с подоконника, а представлявший ужасы подземелий Ричард его не останавливал.

На контрасте с ними император, когда герцога и его слугу провели в кабинет Его Величества, просто светился оптимизмом. Высокий и такой же худощавый, как Ричард, он обладал классической красотой – золотоволосый, голубоглазый и с правильными чертами лица. Именно такими предпочитали изображать юных героев живописцы, и именно о таких принцах мечтали девушки любого достатка. Его Величество Генрих Тринадцатый был уже не юн – недавно ему исполнилось тридцать, – но всё ещё очень красив. Да, импе-

раторская семья не зря «выводила» свою породу многие века – в основном, магией, но и на красоту невест тоже обращали внимание. Правители сильной и независимой страны могли это себе позволить.

В строгом траурном костюме, украшенном серебряной вышивкой и чёрными жемчужинами, Его Величество стоял у окна, облитый закатными солнечными лучами, и улыбался почти так же солнечно.

– Эш! Друг мой! – воскликнул он, распахивая объятия. И тут же заметил: – А ты, однако, не торопился.

– Век бы тебя не видел, – бросил в ответ Эш, обходя императора по широкой дуге к креслу у письменного стола. – Ты бы как раз сдох. Дикон, выпрямись.

Ричард тут же разогнулся и спокойно выдержал изучающий взгляд императора. Его Величество улыбнулся.

– Здравствуй, Ричард. Что, твой хозяин стал ещё злее после его маленького путешествия?

– Мой господин нуждается в отдыхе, – кротко ответил Ричард, наконец, опуская взгляд.

Император хохотнул.

– Увы, дела не ждут. Эш, ты уселся в моё кресло. Встань немедленно.

Эш, наоборот, ещё и ногу на ногу положил. Тогда император резко обернулся – взметнулись полы шёлковой чёрной накидки – и скрестил с Эшом взгляд. Так они смотрели друг на друга минут пять, молча, не шевелясь. Ричард, замерший

у стены, не шевелился тоже. К подобной сцене он уже давно привык.

Воздух, казалось, искрился от напряжения, а от тишины звенело в ушах. Личина золотоволосого юноши сползла с Эша, пару мгновений перед императором сидел очень злой рогатый фейри. Мгновений, потому что потом Эш, бросив взгляд на Ричарда, встал.

– Ну и зачем ты меня вызвал?

Император как ни в чём не бывало сел в кресло и тут же скрылся под столом. Поднатужившись, поднял укрытую тканью огромную банку, поставил на стол, снял ткань.

В банке плавала человеческая голова.

Ричард, прикрыв рот рукой, подался к двери, Эш только закатил глаза.

– Вот, – в голосе императора зазвучали слёзы. Голосом Его Величество всегда прекрасно владел. – Вот, что сделали с моим братом. Видишь?

Эш прошёл к столу, нагнулся над банкой. Потянул носом. Пахло дорогим вином.

– Честно говоря, так мне он больше нравится.

– Да мне тоже, – хмыкнул император, резко прекратив играть убитого горем брата. – Я тебе больше скажу: я даже хочу приплатить его убийце за то, что осчастливил своим вниманием дворец и избавил меня от этого... семейного недоразумения. Только, Эш, я хочу знать, кому платить.

Эш стянул перчатку, поскрёб стекло на глазах отросшим

и заострившимся ногтем – звук получился премерзкий.

– Я не сыщик, Генри. Пусть твои слуги ищут, а я потом донесу этому самоубийце твою благодарность.

Император снова исчез под столом. Но на этот раз на свет он извлёк не банку с головой, а ворох фотокарточек.

– Слуги, говоришь? Слуги – люди. Посмотри.

Игнорируя свободное кресло для посетителей, Эш уселся на стол – на этот раз император не возражал – взял фотографии веером, как игральные карты, и всмотрелся. Все они показывали одно и то же: расчленённые человеческие тела. Очень... красочно расчленённые: руки, ноги, голова, части туловища, – всё складывалось в надпись, а кое-где эта надпись дублировалась кровью. Эш нахмурился.

– Я правильно понял, это же ваш язык? – небрежно поинтересовался император.

– Угу.

– И что там написано?

Эш изучил все карточки: надпись была одна и та же. И никакого смысла она не несла.

– А что, у тебя нет учёных, кроме меня? Специалистов по нашему языку?

– Есть. Но единственный специалист, – в голосе императора послышалось раздражение, – не должен такое видеть.

– Это ещё почему?

– Она женщина.

Эш на мгновение забыл про карточки и уставился на им-

ператора.

– Да что ты!

– Позже поговорим о женщинах, – процедил император. –

Что там написано?

– Ничего особенного. – Эш снова принялся изучать фото. – Ничего такого.

– Эш!

– «Она танцует».

– Что?!

– «Она танцует». Я же говорил, чепуха.

На минуту в кабинете наступила тишина. За окном скрылось за горизонтом солнце, и столицу снова проглотил туман. А над Нижним городом он и не исчезал.

Эш отбросил карточки, напоказ зевнул и соскочил со стола.

– Всё? У тебя больше ничего для меня нет?

– Расспросишь моих слуг, съездишь в министерство, – из голоса Его Величества пропала вся благожелательность. – Они тебе расскажут всё, что нужно. И я хочу, чтобы поймал этого убийцу. Иначе...

– Иначе? – улыбнулся Эш.

Император тоже улыбнулся – холодно и издевательски.

– Он убивает только мужчин из Высокого и Среднего города. Слуг, аристократов... Различий в статусе не делает. Не боишься?

Эш хохотнул, но смех стих, когда фейри проследил взгляд

императора: тот смотрел на Ричарда.

– Что ж, если кто-то из моего народа сошёл с ума... Мне будет интересно на это посмотреть. У вас будут ещё приказания для меня, Ваше Величество? – сладенько добавил Эш. И, не дожидаясь ответа, шагнул к двери.

– Будут, – бросил вслед ему император. – Сядь.

Эш сел. Снова на стол.

– Ну?

– Как твой император...

– Ты не мой император.

– Не перебивай. Ты живёшь в моей стране, значит, подчиняешься мне. Итак, как твой император я приказываю тебе в ближайшее время обзавестись наследником. На это я даю тебе год. А невесту ты выберешь на следующем же балу. На котором ты обязательно появишься. Он, кстати, уже скоро.

Эш фыркнул и снова встал.

– А больше ты ничего не хочешь?

– Эш. Это был приказ.

– Ты перепутал меня со своими лошадьми или собаками? – процедил фейри. – Я не буду спариваться по твоему желанию.

– Будешь.

Эш снова фыркнул – вложив в это всё своё презрение к чудному человеческому правителю: когда это жуки смели приказать фейри?

А потом Ричард закашлялся и упал на колени. Он кашлял

и кашлял, с его губ на ковёр стекала струйка слюны впере-
мешку с кровью, и Эш прекрасно чувствовал в ней притор-
ный запах яда.

– Я знаю, что ты фейри, – спокойно произнёс импера-
тор, когда Ричард чуть успокоился и часто-часто задышал. –
Знаю, что вы свободолюбивы. А ещё знаю, что ты хреновый
лекарь, Эш, и что всегда сажаешь с собой за стол свою кук-
лу. И что ты ешь только траву, но своего питомца кормишь
мясом. Поверь, друг мой, сломать твою игрушку будет про-
ще простого.

Эш резко обернулся к нему.

– Тебя тоже!

– Да, – улыбнулся император. – Но твой любимый Дикон
всё равно умрёт. Пусть и вместе со мной. У меня же есть
противоядие, и я могу его тебе дать. Но только если ты по-
обещаешь, что исполнишь мой приказ. Оба моих приказа.
Обещания фейри священны, не так ли?

Ричард снова закашлялся, со стоном проталкивая себя
воздух на вдохе. Эш, сжав кулаки, процедил:

– Когда-нибудь я тебя убью.

Император с улыбкой пожал плечами.

– Хорошо, – Эш попытался, чтобы его голос звучал ровно.
Ровно и спокойно. – Хорошо, я найду себе жену. И в течение
года у нас родится ребёнок. И я найду убийцу твоего брата.
Обещаю. Ты доволен?

– Абсолютно, – кивнул император. Покопавшись в ящике

стола, он вытащил пузырёк с прозрачной жидкостью и протянул его Эшу. – Отсчитай десять капель. – А позже, наблюдая, как Эш даёт Дикону противоядие, не удержался от замечания: – Боги, Эш, у тебя даже руки не дрожат. А если бы это был не тот пузырёк? Если бы это был яд?

– Я чувствую ложь, – отозвался Эш. – Всегда. Я сильнее тебя, Генри, был и буду. И ты боишься меня, это я тоже чувствую. Ты не вечно сможешь мне приказывать, человек.

Император в ответ промолчал.

Ричарду быстро стало лучше, но Эш, когда аудиенция закончилась, всё равно хотел отправить «брата» ждать в воздушный поезд. Однако вспомнил, что на одной из фотокарточек голова Филиппа была надета на шпиль дворцовой ограды, выходит, люди не смогли защитить своего принца даже около императорской резиденции. Нет, Ричард здесь не в безопасности.

– Я в порядке, господин, правда. Всё хорошо, – виновато улыбался Дикон, когда они спускались в подземелья.

– Угу. Вижу. Ты бледный, как смерть.

– Вы видели смерть? – схватился за эту тему Ричард. – Вы видели её на «той стороне»? Я никогда её там не видел...

– И не увидишь.

– Она женщина?

– Помолчи.

– Конечно, господин. Вы думаете, она пришла в этот город? Это она?..

Эш вспомнил статую богини загробного мира – сутулая старуха в сером балахоне. Представил, что она вполне может прогуливаться сейчас по столице, и уж она-то точно не будет делать различий между слугами и их господами. Представил и поёжился.

Ключи от восточного коридора на самом нижнем ярусе дворца были только у Эша. Деревянные лакированные ключи, и он хранил их на шее, всегда. Дубликат при их потере было бы сделать, конечно, несложно, но пришлось бы распутывать целый клубок заклинаний, наложенных на двери и замки, а это потребовало бы не меньше недели. Целую лишнюю неделю в этом затхлом человеческом городе!..

Когда последняя дверь за ними закрылась, Ричард привычно замер у стены. Огромный зал без окон был тёмн и неприветлив, в нём царил напряжённая тишина, как будто что-то затаилось в этой темноте и ждёт момента вырваться. Иногда Ричард даже слышал рычание, хотя отлично знал, что это ему только мерещится. Некому тут было рычать.

Эш щёлкнул пальцами, в ответ под потолком зажглись зеленоватый коконы, в каждом из которых виднелся человеческий силуэт. От кокона к кокону тянулась нить, и вся конструкция очень напоминала паутину. Не хватало только паука.

Посреди зала – и ровно посреди выведенной алой краской на полу схемы – стоял стул, на котором сидел связанный человек с мешком на голове. Эш склонился над ним.

Ричард отвернулся. Что будет дальше, он видел не раз, в том числе и в кошмарах. И прекрасно мог обойтись без очередной демонстрации обязанностей придворного мага. Но Эш не приказал ему подождать снаружи, как иногда делал. Не только потому, что тревожился, что неведомый убийца может бродить по дворцу, просто страх «зрителя» очень помогал заклинанию. Особенно «зрителя» хотя бы с каплей магии в крови. Ричард прекрасно мог бы дожидаться Эша и дома, если бы «улов» полукровок в столице нынче был больше. В последнее время людям они попадались не так часто, как хотелось бы – значит, Эша ждал очередной рейд. Но это потом, а пока были более насущные дела.

Эш сдёрнул мешок с головы связанного, на мгновение заглянул в полные ужаса глаза. Равнодушно отвернулся и принялся зажигать тонкие восковые свечи.

Связанный дёргался. Одна из свеч попала ему под ноги – он задел её, свеча переломилась и погасла.

Раздражённо дёрнув уголком рта, Эш поднял на него взгляд. Полукровка. Мужчина, наверняка лакей, очень смазливый и высокого роста. Красивые ноги. Точно лакей. И боится до коллик. Эш чувствовал его страх, как будто рядом кто-то разлил помои. И всё же...

Эш поднёс половину свечи к лицу связанного. Улыбнулся, обвёл взглядом комнату.

– Видишь это?

Связанный изо всех сил закивал.

– Слышал про воздушные поезда? Подземные? Печи, – Эш хмыкнул, – говорят с температурой нагревания. Или другие маленькие бытовые мелочи. Чудеса. Ты же ими тоже пользовался, а?

Пленник замер.

– Ты никогда не думал, что это очень похоже на магию?

Пленник тут же замотал головой и замычал, силясь что-то сказать сквозь кляп. Эшу было совершенно плевать, что.

– А зря. Что-то же должно питать поезда, печи... И что там ещё?.. Ах да, военная мощь нашей империи, над которой никогда не заходит солнце. – Эш снова поднял взгляд вверх. – Видишь? Они её и питают. Полукровки фейри и людей. И да, они живы.

Пленника била крупная дрожь, но свеча всё никак не загоралась. Эш мог, конечно, зажечь её и от другой свечи, но зачем лишать себя удовольствия? Ужас тоже горит.

– А знаешь, кто я? Догадываешься?

Пленник в ужасе отвёл взгляд.

– Вы называете меня Серым. Из-за моего плаща. Вон он, – Эш кивнул в угол залы. Там действительно висел обычный серый, без украшений, плащ. – Теперь знаешь, у кого ты?

И тогда свеча зажглась. Эш поставил её на пол в нужном месте, машинально отметил цвет пламени и начал ритуал.

Позже, уже в поезде Ричард тихо спросил:

– Господин, вы получаете от этого удовольствие?

Эш оторвался от изучения вечернего города – тот тонул в

серо-синих сумерках, словно подёрнутый плёнкой пепла.

Обернулся.

– От чего?

– От того, что вы делаете, чтобы... мы могли жить так. – Ричард обвёл взглядом вагон, напоминающий убранством маленькую гостиную. Даже место для камина имелось, правда, фальшивое.

– А, – Эш усмехнулся. – Нет. Я вообще не получаю удовольствие от общения с людьми, как ты мог заметить. Кроме разве что общения с тобой.

– Но раньше вы никогда не разговаривали во время ритуала. А сегодня вы специально пугали. Зачем?

– Для ритуала. – Эш зевнул, собираясь снова отвернуться к окну. Но поймал взгляд Ричарда и продолжил: – Ну хорошо. Как думаешь, для гусеницы большая трагедия превратиться в куколку?

– После они всегда становятся бабочками.

– Думаешь, они это знают? Но в любом случае, наши бабочками тоже становятся. В каком-то смысле. – Эш улыбнулся удачной шутке. Но Ричард его веселье не поддержал.

– Господин, они же люди, а не насекомые.

– Полукровки – люди только наполовину, – напомнил Эш.

– Им больно, господин.

Эш пожал плечами.

– Никогда не интересовался, что чувствует куколка. И, между прочим, благодаря им мы живём в богатой и могуще-

ственной, а главное свободной стране. Тебя это не радует?
И ещё...

– Но вы же не ради этого поступаете с ними так?

Эш почесал виски: рога снова готовились вырасти. Сколько можно!

– Нет. Я делаю небольшое одолжение моему другу-императору. Оно, понимаешь ли, ничего мне не стоит.

– Господин, – помолчав, снова начал Ричард. – Сегодняшняя горничная из вашей спальни скоро тоже окажется в том подземелье?

– Конечно.

– И любая полукровка, с которой вы встретитесь, также окажется там?

– И любой, мне всё равно, какого они пола или возраста. Дикон, к чему ты клонишь?

– Вы рассказывали про девушку-полукровку с «той стороны». Девушку, с которой вы танцевали. Если вы встретите её, вы тоже отправите её в это подземелье?

Эш открыл было рот, чтобы ответить: «Конечно». Но вспомнил её грудь, изгиб её бёдер, как красиво её кожа мерцала в лунном свете от пылицы и магии. Как красиво эта девица танцевала...

– Она была в маске, Дикон. Я её не узнаю.

– Но вы предлагали ей пойти с вами. Если бы она согласилась?

Эш вспомнил и поморщился: она отказалась.

– Какая разница? Этого не случилось.

– Но если бы?..

– Дикон. Помолчи. Ты меня утомляешь. К чему эти вопросы?

– Простите, господин. Просто иногда мне интересно, есть ли у вас сердце.

Эш приложил руку к груди и улыбнулся.

– Ну что-то же там бьётся, а? Как думаешь, что бы это могло быть?

Дикон ничего не ответил.

«Она танцует, – думал Эш, глядя на засыпающую столицу и не видя её. – Она танцует...» Перед глазами вставала улыбающаяся черноволосая танцовщица-полукровка в маске.

Она танцевала и в его сне, но теперь её танец был похож одновременно и на ведьмину пляску, и на танец змеи. В коричневом платье, украшенном листьями по вороту, рукавам и поясу, она изгибалась, как змея, и тут же кружилась осенним листопадом. Потом срывала жёлуди с послушно склонившего к ней ветви дуба, растирала их маленькой ступкой и сыпала себе под ноги. Затаптывала пыль и кружилась снова под музыку барабанов, отмечая каждый удар бёдрами или грудью. То быстрый, то медленный, танец завораживал. Сейчас танцовщица уже не стремилась изобразить сломанную куклу – она была лесной ведьмой. Сердце Эша замирало при каждом её повороте или прыжке. Да, сердце у него всё-таки было.

– Скажи мне, кто ты, – не выдержал фейри, потому что однообразная музыка, казалось, не стихнет никогда.

Она обернулась: в лунном свете её маска сверкнула змеиной чешуёй.

– Ты? Что ты?.. Ты соединил наши сны? Зачем? Как ты посмел?!

Её гнев возбуждал почти так же, как её танец.

– Я хочу узнать, кто ты. – Он шагнул к ней так быстро, что она не успела отпрянуть. И замерла в его объятьях, сначала напряжённая, потом тающая, как свеча. Её губы снова были вкуса карамели.

Эш задрожал – сам не понимая, почему, – когда она провела пальцами по его щеке, коснулась его маски, отбросила со лба чёлку.

– Уходи. И больше никогда не смей так делать.

– Скажи мне, кто ты? – повторил Эш и потянулся к её маске, но девушка уклонилась. – Кто ты?!

Она улыбнулась – так же игриво, как и наяву. Но, прежде чем он успел сдёрнуть с неё маску, сложила ладони лодочкой и дунула Эшу в лицо желудёвую пыльцу.

Эш дёрнулся, а когда глаза перестало щипать, на поляне он был один. Только примятые её босыми ногами дубовые листья вздрагивали, точно живые. Точно она ещё танцевала на них.

Эш запрокинул голову, глядя на луну, прищурился. Снова в голове пронеслось, как заклинание: «Она танцует».

Следующим утром экономка Виндзоров наскоро подыскивала новую кухонную прислугу. Повариха и трое поварят не проснулись: у всех остановилось сердце. И у каждого в руке оказалось по пять гиней – как раз хватило на приличные похороны.

Глава 4. Перемены

Фрида вздрогнула и проснулась: образ рогатого фейри та-ял, жар его прикосновений исчезал. Нет, каков наглец! Сначала залез в её сон (между прочим, как ему это удалось?), так ещё и совершенно бесцеремонно себя там вёл! Фрида ещё никогда не встречала неучтивых фейри: в их природе – уважение к чужой свободе. А этот!.. Ну что с него взять – подменьш. Фрида пару раз встречала таких, как он, только в стране фейри. Они все были немного... странные, точно «не от мира сего». В их случае – в буквальном смысле, и это не их вина.

Что ж, надо понять, простить и обыскать всю комнату, все вещи, найти ту то, что принадлежит рогатому наглецу, сжечь – и больше он никогда в её сон не войдёт. Нет, но всё-таки каков наглец – без спросу!..

Зевнув, Фрида приоткрыла полог. Убедилась, что ещё се-ро – только-только рассвет; и тихо – даже птицы спят. И ей бы ещё спать и спать... Фрида так и сделала – повернулась на другой бок, натянула на нос одеяло – оно приятно пахло лавандой, – закрыла глаза...

В окно постучали. Фрида хмыкнула – это ж надо было ко-му-то из деревенских так упиться, чтобы полезть на второй этаж её особняка, миновав, между прочим ограду. Или кто-то открыл ему калитку? Ничего, сейчас нарушителя прого-

нит садовник, он-то наверняка уже проснулся и рабо-о-отает... Фрида снова зевнула и даже успела задремать, когда в окно постучали снова. И снова. И ещё. Очень настойчиво.

Фрида рывком села, отодвинула полог, и, не утруждаясь поиском домашних туфель, босиком прошлёпала к окну. Зажигать свечи она не стала – Фрида с детства прекрасно видела в темноте. А вот незадачливый пьяница обязательно не удержит равновесие и свалится, когда она рывком откроет окно...

Никто не свалился – только в комнату залетела зачарованная малиновка. Бешено покрутилась, чуть не запуталась в занавесках, уронила Фриде в руки конверт и уселась на подоконник.

Опешив, Фрида рассмотрела конверт – ничего написано на нём не было. И сама себя пожурела: не обратный же адрес она искала, с таким-то почтальоном. Фрида поискала на столе у зеркала нож для бумаг, надрезала конверт. Оттуда выпал сложенный вдвое лист бумаги, на котором вычурным, чрезвычайно красивым почерком было выведено: «Кто ты?»

Фрида повернулась к окну. Малиновка чирикнула, наклонила голову, потом расправила крылья, вспорхнула и подлетела ближе. Фрида вытянула руку, чтобы птице было удобнее сесть, и дунула. Малиновку на мгновение окутала золотая пыль, а у Фриды неожиданно сильно закружилась голова. Освобождённая от заклятия птица снова заметалась по комнате и, найдя, наконец, окно, вылетела в серое утро.

– Ну ты и хам! – заявила Фрида письму. – Да как ты посмел!..

Письмо она скомкала, потом позвонила в колокольчик. Спать после такого было решительно невозможно.

Через час горничные перевернули комнату вверх дном, проверили каждую безделушку и сложили всё обратно, но ничего лишнего, не принадлежащего Фриде, не нашли.

А Фрида сожгла письмо и, сидя в кресле с ногами у камина, задумалась. Свежесваренный кофе привёл её в чувство.

– Робин?

– Чего тебе, хозяйка? – Брауни снова вынырнул из-под кровати.

Фрида поворошила пепел кочергой.

– В доме есть что-нибудь, принадлежащее чужому?

– Так, хозяйка, у тебя в доме куча народу... Давеча, вот, ухажёр к Винни захаживал, да и кухарка потом...

– Чужому фейри.

Баруни аж подпрыгнул от удивления.

– На моей территории? Чу на тебя, хозяйка, кошмар тебе приснился. Нет тут ничего чужого! И не будет – мимо меня ни одна муха не пролетит, не то что нашенский – не пройдёт! – И обиженный брауни исчез под кроватью.

Фрида попыталась выкинуть это из головы – мало ли, может, письмо вовсе и не ей предназначалось? Может, заклинание неправильно наложили, адресатом ошиблись... Под эти мысли Фрида допила кофе и откинулась на спинку кресла.

Начинался новый день, надо ещё планы уроков перечитать...

Поправив полы халата и, широко зевая, Фрида потянулась к тетради.

На ней лежала чёрная роза.

– Робин! – завопила Фрида.

Приоткрылась и тут же закрылась за любопытной горничной дверь. Фрида шикнула на неё и, тряся розой, повернулась к кровати. Оттуда на неё вновь глядел брауни.

– Ну чего тебе ещё, хозяйка?

– Это что?! – тыча в него розой шёпотом «завопила» Фрида.

– Цветок. – Брауни принюхался. – Нашенский.

– Кто его принёс?! Ты же говорил – муха не пролетит!

Брауни хмуро глянул на Фриду и вдруг звонко хихикнул.

– Эх, хозяйка! Так это ж ухажёр твой, кто ж ещё?

Фрида задохнулась от гнева и только спустя пару секунд смогла выпалить:

– Как? Тут ведь ничего его нет!

– Ну как же нет, когда есть, – брауни улыбался. Надо сказать, улыбка у него была мерзкая. – Аккурат в тебе и есть. Так что терпи, хозяйка, ты ж его из себя не вытащишь?

– Кого?.. Что ты несёшь?!

Но брауни уже снова исчез под кроватью.

Фрида и розу отправила в огонь, а потом, раздевшись донага, долго-долго рассматривала себя в зеркале. Может, этот мерзавец проклятье к ней подвесил, а она и не заметила? Да

нет, всё было в порядке, чужим колдовством и не пахло... Но Фрида на всякий случай всё равно всю себя проверила, прислушиваясь. Последним она изучила живот: ощупала и снова почувствовала исходящий от него ненормальный жар. Прислушалась к себе, села в кресло и, закатив глаза, полностью отдалась ощущениям... Мгновенно навалилась резкая усталость, но Фрида пробилась сквозь неё, как сквозь туман. И увидела.

К своему источнику жизни, яркому, как солнышко, и мерно пульсирующему в такт дыханию, она давно привыкла. Но теперь рядом светился ещё один, поменьше, но словно бы ярче, и Фрида слишком хорошо понимала, что это значит.

– Мэм? Мэм! Проснитесь! Мэм! – донеслось, как сквозь вату.

Фрида вздрогнула и «вынырнула». Солнца – большое и маленькое – перед глазами исчезли, зато появилась испуганная камеристка.

– Я вам... чай... принесла, укрепляющий, – пробормотала она и подступила к Фриде с халатом. – Оденьтесь, мэм?

– Твою ж мать! – выругалась Фрида, глядя сквозь Мэри.

– Мэм?

Фрида заставила себя отвлечься и влезла в рукава халата.

– В-всё х-хорошо. Иди, Мэри.

– Да, вы только чай попробуйте...

Начиная злиться – умеет камеристка докучать! – Фрида сделала большой глоток из исходящей паром кружки и тут

же выплюнула.

– Что это за дрянь?!

– Ничего... Ничего, госпожа, я новый сейчас же сделаю, – пролепетала Мэри, схватила чайник, чашку на подносе и убежала.

Фрида без сил рухнула в кресло. На губах всё ещё горчи-ла «вырвень-трава», хороший тоник для всех, кроме бере-менных – те его настой даже в рот взять не могут. Фрида слышала о нём, но предпочитала другие тонизирующие и не очень-то верила, что какая-то трава так отлично выявляет беременность да ещё и на столь раннем сроке. «Мэри пой-мёт», – мелькнуло в голове. Но Фрида быстро успокоилась. Нет, нет, откуда этой дурочке знать?.. Она же в травах не разбирается, Фрида это точно знала. Иначе бы камеристка могла себе хотя бы розовую воду приготовить, а не просить госпожу. Мэри же так стесняется своих веснушек... Так что это всё только несчастный случай. Надо забыть и не брать в голову.

Фрида вздохнула, забралась в кресло с ногами и запроки-нула голову, изучая узоры на потолке: переплетения цветов и листьев. Выходит, старуха Кейт была права... И брауни Ро-бин намекал на это – Фрида действительно беременна. Пре-лестно! То, о чём она мечтала! И почему именно сейчас?

«Сама виновата, – мысленно сказал себе Фрида. – Забы-ла выпить зелье, скакнула на руки незнакомому наглецу, ни стыда у тебя, ни совести. Думать надо было. А теперь жалеть

нечего». Вздохнув, она решила, что это правильно: что сделано, то сделано. Избавиться от ребёнка? Ни за что! Фрида отлично знала, как избавляются от нежеланных детей крестьянки и каков при этом риск в будущем никогда не родить. К тому же, почему пусть и двухнедельный малыш должен отвечать за её легкомыслие? «Полезла в кузов – терпи», – повторила сама себе Фрида. Что ж, значит, рожать придётся. Ну и отлично: ничто не мешает ей тихо, с помощью той же Кейт избавиться от бремени, а потом сделать вид, что усыновила ребёнка кого-нибудь из деревенских. По доброте душевной.

Правда, несколько месяцев морочить головы слугам, ученикам, учителям, селянам, чтобы не заметили живот. Фрида была не уверена, что справится, но попытаться придётся.

«Только бы мать не узнала, – думала Фрида. – Узнает – выдаст замуж, срочно. Не хочу больше замуж!»

Замужем Фрида в свои двадцать четыре побывать, конечно, успела. Как и всех благородных леди, юную Фриду в восемнадцать представили двору, молодому императору. А потом и года не прошло, как руку Фриды (да и всю её, вообще-то) заполучил маркиз Вустермор, которому на тот момент было шестьдесят шесть, и а ещё был он богат, знатен, родовит и о-о-очень активен. Молоденькая девица ему приглянулась на первом же балу, после которого маркиз и отчим Фриды содержательно побеседовали, и судьба будущей леди Вустермор была решена.

Фрида отнеслась к этому философски. Ребёнка от такого старика она знала, что не родит (что бы мать ей не пела в уши). Впрочем, в девятнадцать Фрида ребёнка тем более не хотела. Лечь в одну постель со стариком – тоже, Фриде хватило поцелуя во время венчания. Что ж, когда ты ведьма, есть способы отделаться от ненужного ухажёра. Фрида заранее сварила одно очень хорошее зелье и подлила его супругу в бокал перед брачной ночью. Всё получилось как нельзя лучше: престарелый жених вместо исполнения своего долга прекрасно заснул и всю ночь ему снились очень красочные сны. А Фрида проколола палец и на всякий случай вымазала простыню кровью – шума, убедившего прислугу, что всё было как положено, её благоверный и так издавал достаточно.

А потом «молодые» уехали в свадебное путешествие, на источники – у маркиза разболелась нога, проснулась подагра. И всё было бы хорошо – Фрида хозяйничала в доме, вырвалась наконец-то из под материнской опеки – но был у чудесного зелья один минус: маркизу так понравились сны (которые он считал реальностью), что теперь он жить не мог без того, чтобы не затащить жёнушку в спальню. Фрида варила зелье литрами, маркиз наркоманил, потерял всякие приличия, хватал жену за зад даже во время приёмов, и Фрида уже начинала бояться, что добром это не кончится. Пока однажды не нашла супруга в его спальне мёртвым, а рядом – жёлудь.

Той же ночью, сбежав в лес (супруги как раз отдыхали у

Виндзорского леса), Фрида нашла отца и спросила: зачем? Лесной король улыбнулся ей. «Он мешал тебе», – сказал он и, больше ничего не объясняя, скрылся в тумане. Фрида тогда до утра пробродила по лесу, но не нашла его. Она знала, конечно, знала, что людей феэри считают другими, часто даже ниже себя, что их мировоззрение очень отличается от человеческого (и это естественно). Но её отец убил её мужа, только потому, что последний мешал Фриде...

«Что ж, что было, то прошло, и этого не изменить», – решила, наконец, Фрида. Смерть старого, измученного подагрой и уже съехавшего с катушек маркиза никого не удивила. Фриде досталось огромное наследство, хотя в накладе не остались и другие родственники маркиза, например, его сыновья от первого брака. Фрида с цинизмом поняла тогда, что иногда человек лучше мёртвый, чем живой: после его смерти всем становится легче. Это было очень грустно.

Получив статус вдовушки, а с ним и независимость, Фрида крепко поругалась с матерью, отказавшись снова участвовать в «конкурсе невест» – сезонных балах и отдать наследство покойного маркиза отчиму. Тогда же ей предложили работу в лучшей школе империи, и Фрида уехала из столицы и от матери, не попрощавшись.

Такая жизнь, спокойная, предсказуемая, Фриде нравилась, и ничего менять она не хотела. Но теперь, конечно, придётся.

«Уж не из-за этого ли отец хотел меня увидеть?» – дума-

ла Фрида позже, ведя урок. Отделаться от мыслей о ребёнке не получалось, как не получалось и забыть наглеца, который всему виной. «Не всему. Я не должна переключаться на него ответственность, – обрывала себя Фрида. – Я сама должна была проследить». Голова шла кругом, мысли крутились отнюдь не вокруг объясняемой темы, и впервые за всё время преподавания хотелось оказаться от школы подальше – успокоиться и прийти в себя.

Фрида стояла у доски и рисовала рыбку.

Рыбка представляла собой схему глаголов древнего языка: голова – аналитические формы, потом – супплетивные глаголы, после – «сильные», за ними – «слабые»... И так далее. Глаголов было много, рыбка выходила длинная. Для удобства Фрида пририсовывала примеры-плавники и закрасила хвост зелёным мелом. Получилось красиво, несмотря на раздраз в мыслях. Наверное, ничего удивительного: эту «рыбку» Фрида рисовала ученикам уже четвёртый год.

Тема древних глаголов для одиннадцатилетних мальчишек, по мнению Фриды, была пустым звуком (зачем только её включили в программу?). И чтобы дети хоть что-то запомнили, нужно было сделать несчастные глаголы хоть сколько-нибудь интересными, а для этого рыться в собственном архиве, долго подбирать материал... И конечно, вместо схемы-рыбки лучше бы подошёл какой-нибудь пистолет или, на худой конец, кинжал. Но Фрида не смогла уместить древние глаголы в эти формы. Может быть, воображения не хватало,

или сказывалась разница восприятия. За эту разницу Фрида давно себя корила, считая, что мужчину может понять только мужчина. Тем более, одиннадцатилетнего мужчину.

На самом деле, в частную школу Дэримора Фрида попала случайно. Леди не должна работать – это железное, неоспоримое правило высшего общества. Если леди работает, значит, муж или отец не могут её обеспечить. А это ведь позор!

У Фриды был щедрый муж, да и богатый отчим, так что работы Фрида никогда не знала. Просто ещё в школе увлеклась переводами, сравнением языка фейри с древним человеческим. В высшем обществе она была единственной, кто знал язык фейри в совершенстве, так что ей было легко. Вдобавок, Фрида занялась лингвистикой и довольно быстро сделала себе имя в научном сообществе – несмотря на то, что женщин там отнюдь не приветствовали, у неё просто не было конкурентов: все учёные мужи основывали свои работы на гипотезах и результатах сравнений, тогда как Фрида могла получить «живой» материал. Она же, в конце концов, общалась с настоящими фейри, причём с самого детства. Конечно, переводить и делать сравнительный анализ ей было легко.

Язык фейри давно и прочно вошёл в моду. Он сильно повлиял и на развитие языка людей – когда-то фейри свободно ходили по человеческим землям, а не скрывались за «вуалью» своего мира. От них осталось много весьма интересных письменных источников, а уж хотя бы одну балладу на

фейрийском должен был знать каждый аристократ. Щегольнуть этим знанием было очень престижно. Так что ничего удивительного не было в том, что лучшая школа для мальчиков в империи (девочек древним языкам специально никогда не учили) пригласила Фриду консультантом. Совсем ничего удивительно не находил директор школы и в том, что приглашённый консультант должен будет предоставить преподавателю планы уроков, конспекты и статьи, чтобы последний потом попугаем отгарабанил их перед учениками. И уж во-все ничего удивительного не было в том, что школьный преподаватель совершенно в языке фейри не разбирался.

«Да вы издеваетесь!» – подумала Фрида, когда ей это объяснили. И за пятичасовым чаем в кабинете директора сказала «нет». Очень мягко, очень витиевато, как и полагается женщине. Дескать, весьма признательна, ваше приглашение – большая честь, никогда и мечтать о подобном не смела, но...

Директор удивился. Потом, узнав, что Фрида дорожит правом интеллектуальной собственности на свои статьи, удивился ещё больше. Зачем леди вообще какие-то статьи? Наука – удел мужчин, и если женщина захотела в свободное время сама изучить эти самые древние языки – что ж, это странно, но что только не бывает! Однако это не более чем увлечение, тогда как мужчины работают серьёзно и святой женский долг помочь мужчинам в этом, как жёны помогают, обустроивая быт и храня домашний очаг... Улыбаясь, Фрида

выслушала его и объяснила, что считает присвоение своих статей и конспектов воровством. И что на следующее такое чаепитие придёт с адвокатом.

И пришла. Лорд Гелен, младший брат покойного супруга Фриды, за время работы в столице ко многому привык, поэтому просьбе невестки не удивился. А опешивший директор, поняв, что придётся разговаривать с женщиной, быстро пошёл на попятный. Женщину-то, как он думал, переспорить легко: женщины – существа по природе своей слабые и мужчинам во всём уступают.

Собственно, это было не мнение одного лишь директора – он-то был человеком довольно передовым для своего времени. Так женщин в империи видело всё общество: будь красива, следи за хозяйством, танцуй на балах, а все действительно важные дела оставь мужчинам. Свободолюбивой, как все, в ком текла кровь фейри, Фриде ещё в детстве было сложно смириться с подобным отношением. Это была ещё одна причина, по которой она рвалась из-под крыла матушки и из столицы. В провинции нравы были попроще.

Директор с адвокатом в итоге договорились, что Фрида будет вести уроки, как любой школьный преподаватель – но в присутствии камеристки, конечно, чтобы приличия были соблюдены. И телесные наказания должен будет осуществлять директор лично: нельзя же юношам оголяться перед молодой женщиной! А в остальном Фрида вольна поступать, как ей заблагорассудится – оставаясь, конечно, в рам-

ках утверждённой советом школы программой. И да, ни о какой оплате речь, конечно, идти не может. Работают мужчины, а леди только имеют увлечения. Ничего предосудительного, если Фрида вдруг увлечётся преподаванием, особенно для школы Дэримор. Лучший специалист в языке фейри достанется им бесплатно! Благотворительность, так сказать, дамы и господа. Леди ведь обожают заниматься благотворительностью.

Узнав об этом (Фрида в разговоре не участвовала, она в это время прилично пила чай в соседней комнате – пусть мужчины решают свои мужские дела сами, раз так заведено), Фрида с очаровательной улыбкой поинтересовалась, сколько платят в Дэриморе преподавателям. Директор похвалился: в его школе не брезгают давать лекции даже знаменитые лорды-учёные из-за рубежа – гонорар им предлагают очень высокий. Фрида покивала, а потом спросила, почему же она должна работать бесплатно. Свободолюбивая полукровка умела не только переводить и сравнивать языки, но и немного считать. Осознав, сколько примерно сэкономит на ней директор, Фрида почувствовала себя обиженной. Когда-то она согласилась выйти замуж – потому что это прилично. Когда-то она вела себя как образцовая жена, потому что это тоже прилично. Но что будет неприличного в том, что её, женщину, будут воспринимать наравне с мужчинами? Хорошо, пусть она и лучшая, но не рассчитывает ни на какое отношение сверх (хотя по правде говоря, почему нет, если

лучшая). Но наравне-то можно?

«Вы же леди!» – просипел изумлённый директор, и даже родственник-адвокат посмотрел на Фриду как на сумасшедшую.

«Прекрасно, – кивнула Фрида. – Я леди и вы поступаете со мной не как джентльмен. Вы меня обворовываете на... Сколько, вы сказали, у вас платят учителям?» Потом добавила, что или она получает за свои уроки плату, как мужчина, или пусть директор ищет другого знатока фейрийского. Мужского полу. Тогда все точно будут довольны.

Директор был бы рад, но никого лучше Фриды не было. Через неделю переговоров, которые ни к чему не приводили, он восхитился «железной хваткой» маркизы Вустермор (что отнюдь не было для леди комплиментом). И пригласил её подписать договор.

С тех пор прошло почти четыре года. Страсти в обществе, где Фриду всячески осуждали, чуть улеглись (хотя мать время от времени ещё слала Фриде гневные письма). Ученики же привыкли к учительнице и больше не отпускали шуточки о том, что из рук няnek и гувернанток они уже выросли. А после первого выпуска и их родители перестали настаивать на увольнении леди-преподавательницы.

Схема-рыба тем временем закончилась, вопросов у учеников, как обычно, не нашлось. Преподавать в Дэриморе вообще было легко: только одна проблема – подготовить учеников к выпускным экзаменам у самого императора. В

остальное время действовал постулат «преподаватель всегда прав». Фрида могла бы дать список древних глаголов на зубрёжку – и это было бы нормально. А тех, кто не вызубрил, на следующей неделе отправить к директору для наказания. Учителя на уроке не принято было спрашивать, у соседа – не принято списывать. Иной раз Фрида задавалась вопросом: её ученики вообще живые? Живые, конечно, но чтобы расшевелить их требовалось много сил и смекалки. А уж объяснить детям, что она приветствует вопросы на своих уроках, а ошибки в процессе обучения – это нормально... У Фриды такое получалось редко. Она сама прошла похожую школу, когда за вздох не вовремя наказывали палкой по пальцам. Прошла, ненавидела и не хотела превращать свои занятия в её подобие.

Прошелестев юбками, Фрида прошла к креслу у окна. На узком подоконнике стояли песочные часы – Фрида перевернула их и предупредила:

– У вас ровно полчаса. Приступайте.

Мальчики дружно заскрипели перьями – за остаток урока им предстояло написать своё мнение по изученному отрывку батальной поэмы. Фрида постаралась выбрать именно её – во-первых, битв и героизма там в достатке, а мальчикам это должно нравиться; во-вторых, в ней было полно интересных глагольных форм. К тому же, тренировка письма на фейрийском ещё никому не вредила.

Фрида смотрела на класс: десять мальчиков за одност-

ными партами, все одинаковые до невозможности – и парты, и мальчики. Парты – дерево, Фрида чувствовала его даже сейчас: с юга, лес под Бэнтиромом. Мальчики – со всей империи, с одинаково постриженными «под горшок» волосами (цвет был, правда, разный – уже хоть что-то), в одинаковых беленьких рубашках, чёрных брюках, с шейными платками, тоже чёрными, и в синих приталенных пиджаках. Последние Фрида разрешала на своих уроках снимать – как дети вообще могли сидеть и учиться поздней весной в стольких слоях одежды, она не понимала. Впрочем, Фрида и сама себе напоминала луковицу: рубашка, нижняя плотная юбка, корсет (лёгкий, эластичный – Фрида ненавидела жёсткие и тугие), платье с длинными рукавами и глухим воротом под горло. Даже ей иногда хотелось использовать конспекты как веер.

В углу класса, у камина, сейчас закрытого решёткой, сидела в кресле Мэри и клевала носом над вышивкой. Ей было скучно, и Фрида искренне не завидовала камеристке. Язык фейри её нисколько не интересовал, вышивка тоже, но приходилось полдня сидеть вот так, зевать, смотреть в окно да делать пару стежков в час. И впрямь бедняга.

Фрида повернулась к окну – там было куда веселее, слуги готовили игрушечных лошадок, обязательный атрибут майских праздников. Окрашенная яркой жёлтой краской палка заканчивалась деревянной лошадиной головой с длинной, до земли гривой. Верхом на этих «конях» танцоры должны будут исполнить моррис, и тогда неделя Цветения будет объяв-

лена начавшейся. После неё все дружно отправятся в храм.

А жаль, думала Фрида: именно из-за посещения храма сократили учебный день. Ученики рады, а Фрида, у которой в программе за две недели образовалась изрядная брешь, ломала голову, как же этих демонов подготовить к экзаменам. Упасть в грязь лицом не хотелось: директор, которому Фрида как кость в горле, мигом попытается от неё избавиться, а общество его, конечно, поддержит. Не дело юной леди преподавать, если только она не гувернантка. Впрочем, какая из гувернантки леди?

– Мистер Финник, прекратите, пожалуйста, подсказывать мистеру Следену, – не поворачиваясь (в отражении прекрасно видно весь класс) сказала Фрида.

Оба мальчика тут же втянули головы в плечи, а Фрида почувствовала, как дохнуло морозом, и обернулась. Взгляд упал на худенького подростка лет четырнадцати, в обносках школьной формы и с чёрными провалами вместо глаз. Он сидел на полу рядом с почти до синевы с бледным мистером Кайлом и поглаживал того по левой руке – нежно, просяще.

Вздохнув, Фрида поднялась, оправила юбки и прошла к столу Кайла. Осторожно заглянула в его записи, улыбнулась: «Всё хорошо, у вас прекрасно получается, пожалуйста, продолжайте». И, обогнув его стул, незаметно толкнула всё ещё сидящего на полу подростка. Тот совсем по-звериному зашипел в ответ, и тут же исчез. Фрида знала: скоро он снова появится, но теперь уже рядом с ней.

Том, местное привидение, был мстительным малым и особенно ненавидел учителей. Для мальчика, принявшего смерть от учительской розги (или чего-то посильнее), это, наверное, было нормальным. После смерти Том не отправился в лучший мир и не переродился – своим святым долгом он видел месть, желательно всей школе разом. Фрида сначала пыталась его успокоить, приносила гостинцы – человеческую еду, землю с кладбища, росу, – но Том продолжал шипеть и пакостить всем подряд. Из школы он, хвала богам, уйти не мог, а то в округу обязательно бы наведались люди Императора, а то и сам Серый. Где так чудят призраки, наверняка много людей с «даром», а их Серый забирал себе. Фрида не была бы здесь в безопасности.

Ледяное прикосновение к руке – Том оставался верен себе – и Фрида услышала: «Холодно, мне так холодно... Согрей меня!» Говорили, что несколько столетий назад директор запер мальчика в чулане – пока Том не перепишет все строчки до единой, без ошибок. Запер и забыл. Зима стояла морозная, так что когда о мальчике вспомнили, его уже давно не было в живых. Зато только его похоронили – и жестокий директор скончался от жесточайшей простуды. Он тоже всё мёрз, тряся в ознобе. Больше Том никого не убивал, только пугал. Фрида, предложив ему помощь – умереть по-настоящему – выслушала привычное шипение и ничего делать не стала. Она отлично знала, что без исключительной необходимости вмешиваться в мир духов не стоит. Себе до-

роже.

– Холодно... – шептал призрак и по своему обыкновению гладил её руку. Фрида запрокинула голову, подставляя шею, и тихо, одними губами шепнула:

– Согрейся.

Ледяные губы прильнули к горячей коже. И тут же исчезли. Призрак подался назад, зло зашипел. Фрида удивлённо оглянулась, но он уже исчез.

На часовой башне торжественно зазвонил колокол. Ученики засуетились, дописывая последнее предложение. Фрида стряхнула оцепенение – не выпалась... Проклятая малиновка, проклятый рогатый наглец!.. Сделал ей ребёнка так ещё и поспать не дал!

– Мэм, – Мэри как всегда собрала работы. Кто-то из спешащих вон из класса учеников наступил ей на верхнюю юбку, и край рюша посерел. Фрида никак не могла оторвать взгляд от этого пятна. – Вы хотите сменить платье перед службой? Я приказала привезти вам...

– Нет, не хочу, – Фрида снова зевнула. Спать, спать бы... А ещё ночью идти к отцу...

– Мэм, может быть, вы хотите вернуться и отдохнуть?

Фрида забрала у камеристки работы, разложила по стопкам и убрала в сумку.

– Нет. Идём. Опоздаем в храм.

Во дворе шестеро лучших учеников-старшекласников уже плясали ритуальный моррис: в белых рубашках, зелёных

штанах, с бубенцами на щиколотках и платками в руках они разыгрывали не то потешное сражение, не то парад. Фрида заметила, с каким интересом Мэри рассматривает их, а особенно одного – сына императорского казначея, белокурого Антуана. Заметила и отвернулась. Пусть – Мэри взрослая девушка и знает, что делает. И ей ли осуждать, уж чья бы корова мычала... Главное, чтобы экзамены в этом году красавчик Антуан сдал, а всё остальное Фриду не волнует. Хотя и впрямь, он очень ничего...

Перед глазами сам собой возник спящий среди трав нагой золотоволосый юноша, прекрасный, как бог. Таким он Фриде запомнился сильнее, ярче, чем с рогами и копытами, чего уж греха таить. И тут же мелькнула глупая мысль: «А может, ответить ему? Встретимся ещё раз, большей-то беды не будет». Фрида прогнала её. Красивый фейри, да, этот белокурый Антуан ему и в подмётки не годится. Но Фрида его совсем не знает. И если один раз согрешила, то это же не повод вести себя как падшая женщина!

Но даже в храме не представлять, как сверкают на солнце золотые кудри, как нежна и бела, точно сливки, кожа, как притягательны губы фейри-подменыша, у Фриды не получалось

Служба тянулась мучительно долго. Жрицы богини плодородия танцевали чрезвычайно спокойный, очень медленный ритуальный танец – с ветвями берёз, со свечами, с рогом изобилия... Фрида смотрела на них, на их ритуальные

безразмерные платья-балахоны, и мечтала оказаться в лесу, среди настоящей жизни, а не этого театра. Но нельзя, не сейчас – вечером.

Мэри рядом тоже аккуратно позёвывала в кулачок, но одно дело скучать и совсем другое – птицей улететь с церемонии. После этого можно и не возвращаться. А именно птицей Фрида мечтала сейчас стать. Глупое желание свободы, которое люди в этой империи выкорчёвывали в своих отпрысках ещё с детства.

В маленьком храме было душно и темно. Воздух проникал только сквозь небольшое круглое отверстие в куполе. Сотня прихожан, которым приходилось стоять, танцующие жрицы, да ещё со свечами... К концу службы Фрида едва не падала в обморок. Игра света и тени на тонких колоннах, украшенных цветочными гирляндами, её уже не увлекала. Всё представлялся вчерашний деревенский подарок-намёк: «Ты ведьма» – гирлянда с «кукушкиным цветком». Встретиться, что ли, с Кейт, поговорить об этом? Дело-то нехитрое: старуха что ни день торчит на кладбище. Наверное, к переезду готовится...

Служба закончилась только на закате: жрицы управились со своим танцем, потом накормили всех ритуальным хлебом, символом плодородия. После Фрида, изо всех сил скрывая слабость, вместе с жёнами преподавателей раздала хлеб, уже обычный, нищим. Посмотрели ещё один моррис – в исполнении деревенских танцоров, не такой изящный и богатый,

но куда живее, чем школьный. И только после него можно было, не привлекая лишнего внимания, отправляться домой, снова в маленький отпуск: во время майской недели Цветения школы по всей империи закрывались, а ученики разъезжались по домам. Имперцы очень любили начало мая, а плодородие в их сознании было сравнимо с богатством. Будешь работать во время Цветения, прогневаешь прекрасную Флору, она не простит – богатства лишишься. Люди в империи бывали очень суеверными, особенно если получали от этого выгоду.

Фрида приказала остановить карету на полпути к дому: она часто так делала, и к одиноким прогулкам леди слуги относились как к забавным странностям («Да наверняка к уха-жёрам бегают!»). Фрида на эти слухи внимания не обращала – после скандала с зарплатой они были так, цветочками.

Вечер выдался необычайно тихий и яркий: на небе разгорался настоящий пожар. В лесу давно сгустились тени, и Фрида, подобрав юбки, шла практически на ощупь, больше полагаясь на звуки и запахи, чем на зрение. К тому же, тропа сама ложилась ей под ноги, пока не привела к озеру в самой чаще. Здесь находился ещё один вход на «ту сторону»: у озера не было дна, и рыба там иной раз ловилась забавная. Фрида могла иногда полакомиться собственноручно сваренной ухой или зажаренной на открытом огне рыбкой – если было настроение, или Лесной король задерживался. Здесь, в пещере неподалёку Фрида держала свою «ведьмину кухню»:

запасы трав, утварь, кое-что из старой мебели. Было очень удобно: лес хранил её нетронутой, и никто не видел леди за непотребным занятием.

Свистнув, Фрида вытянула руку – и на плечо ей скакнула белочка. Шустро пробежала к другой руке, потом – к застёжкам-крючкам. Быстро-быстро расстегнула – и прыгнула обратно на дерево. Фрида скормила ей арахис.

Оставив помощницу хрумкать заморским орехом, Фрида вылезла из платья, как из панциря, стянула нижнюю юбку и корсет – у него крючки были спереди, что намного удобнее, если нужно снять самой. Потом, скинув нижнюю рубашку и распустив волосы, нагишом нырнула в бездонное озеро.

Перед глазами рябило, тенями проплывали мимо большие лобастые рыбы, несколько раз туда-сюда пронеслась даже щука. Водоросли цеплялись за ноги, вплетались в волосы. Не обращая на них внимания, Фрида плыла, пока чёрное, с крапинками белого пятно не приблизилось... И небо с землёй поменялись местами: чёрная клякса стала ночью, а белые крапинки – звёздами.

Здесь закат давно догорел. Над озером, из которого Фрида выплыла, летали любопытные разноцветные светлячки – они тут же окружили отфыркивающуюся Фриду. В небе висел огрызок месяца, где-то ухала сова, метались летучие мыши. В этом мире озеро было далеко от страны фейри, но уже на границе владений Лесного короля.

Он ждал Фриду. В тунике из дубовых листьев, в короне из

ветвей рябины, высокий и тонкий, как любой фейри, но краше их в десятки раз, он изящно поднялся Фриде навстречу.

Не выходя из воды, Фрида поклонилась.

– Отец.

Он улыбнулся, поманил ближе. В камышах, среди кувшинок он смотрелся так же величественно, как и на троне.

– Эльфрида, моя ласточка, – сказал, протянув ей руку.

Он называл её так ещё в детстве, когда вместе с сумерками приходил в дом и укачивал, рассказывал сказки, приносил смешные подарки – танцующего жука-ползунка, поющую день напролёт канарейку, светящиеся цветы...

Фрида потёрлась щекой о его руку.

– Мне нужна твоя помощь, ласточка. – Его тёмные глаза смотрели серьёзно и очень напомнили Фриде вчерашнего оленя. – В вашей столице кто-то убивает вас. Наш договор с людьми нарушен.

– Договор? Отец, люди давно уже в вас не верят ...

Он улыбнулся.

– Ты очень человек, моя ласточка. Пусть не верят: мы заключили договор и помним. И даже если люди забыли, мы должны исполнить то, что обещали. Мой народ клялся не трогать людей на вашей земле. Теперь клятва нарушена.

Фрида села на отмель: водоросли облепили её, как будто она надела платье.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Я могу только просить, – покачал головой король. – Най-

ти того, кто это делает. Покажи, а после мы сами его накажем. В людской столице слишком много железа, наши заклипания бессильны, мы не можем следить... Эльфрида, это лишь просьба, ты не обязана её исполнять, у меня достаточно должников среди людей, только... Мне подумалось, тебе это будет легче. – Фейри неожиданно запнулся. – Но нет. Ты носишь ребёнка. Я не знал, Эльфрида. Если бы мне это было известно, я не позвал бы тебя.

Фрида улыбнулась.

– Я не сахарная кукла, отец. Ты прав, мне это несложно. Я постараюсь помочь.

Лесной король нахмурился, но на ладонь Фриде упал сплетённый из веточек браслет.

– Плоть от моей плоти, – прошепестел фейри, – с ним ты будешь в безопасности. А я перед тобой – в долгу.

Фрида улыбнулась. Иметь лесного короля в должниках стоило пары поездок в столицу. К тому же, ей не впервой.

– Отец, – она помедлила, – я хотела бы попросить тебя о маленькой услуге. Я не знаю, как... Как скрыться от отца... ребёнка. – «Ему только две недели! – кричал её разум. – Какой там может быть уже ребёнок!» – Этот фейри очень настойчив.

Смех Лесного короля был подобен шелесту листы под порывом ветра. А его губы холодны, как вечерний весенний воздух, когда он наклонился и поцеловал Фриду в лоб.

– Всё, дочь, теперь ты надёжно скрыта от него, – сказал

фейри, выпрямляясь. – Я не буду спрашивать тебя, зачем.

– Это человеческое, отец, – кивнула Фрида. – Не спрашивай.

– Вы красиво танцевали, – заметил напоследок король. – Это была не просто страсть, моя ласточка. Это была правда.

Фрида только усмехнулась. У фейри трепетное отношение к правде – зато уж недоговаривать они мастера. Но крайне редко лгут, словно ложь обжигает им язык.

– Я буду ждать вестей. И, прошу тебя, Эльфрида, будь осторожна. Моя магия могущественна. – Лесной король посмотрел на браслет на тонком запястье Фриды. – Но не всеильна.

– Конечно, отец. – Улыбнувшись, Фрида снова нырнула.

А перед глазами так и стоял взгляд короля – мудрый, как будто он читал её будущее так ясно, как Фрида читала древние тексты.

А может, и читал – Фрида бы не удивилась.

В человеческом мире тоже стемнело. Так же над озером летали светлячки, но не разноцветные, как в мире фейри, а лишь бело-зелёные. Ветер качал камышовые заросли у берега. И пофыркивал, стоя у раскидистой ивы, белый конь. Фрида пригляделась и с изумлением узнала Быстрого, лучшего жеребца из её конюшен.

– Ну как водичка? – весело поинтересовалась сидящая на берегу Кейт. На ведьме было что-то вроде рыбацкой сети – Кейт была та ещё модница. – Может, и мне искупнуться?

Не обращая внимания на её слова, Фрида выпрямилась и, держась за гибкие ивовые ветви, вышла на берег. Ткнула пальцем в коня.

– Что он здесь делает?

– О-о-о! – засмеялась Кейт, обнажив белые-белые и ровные-ровные (хоть сейчас младенца кушай) зубы. – А это правильный вопрос. Глянь-ка сюда. – Она протянула Фриде конверт.

Фрида взяла его, пригляделась.

– Это письмо не мне.

– Угу. Служанке твоей. Ты читай-читай.

Фрида подняла на неё взгляд.

– Это не мне письмо.

– Ой, да шо ты такая правильная! – фыркнула Кейт. – Не бойсь, я ж уже всё прочла. Хошь, перескажу?

Поморщившись, Фрида достала письмо из конверта и вчиталась.

Писала мать и писала она камеристке Фриды – в ответ на её утрешнее письмо, в котором Мэри призналась (как поняла Фрида), что госпожа беременна, и все признаки налицо: цикл задержался, утренний чай с нужной травкой не в то горло пошёл. А вы же приказывали, мэм, следить за госпожой? Вот Мэри и бдит. О, как Мэри бдит! Госпожа недавно вернулась из очередного загула, наверняка с ведьмовского шабаша. И вот теперь беременная. Мэри за такие новости ведь причитается награда?

Да, писала мать Фриды, причитается; и сообщала, что перевела на счёт Мэри весьма кругленькую сумму: хватит на симпатичный маленький домик в деревне со своими слугами. Мать также выражала признательность, что Мэри уберегла её семью от ещё одного позора. И пророчила Мэри дальнейшее вознаграждение, если она будет так же предана.

Фрида аккуратно свернула письмо, положила обратно в конверт и подняла взгляд на Кейт. Та улыбалась.

– А я те говорила, шо служанка твоя – та ещё змеюка. Хошь, я её колдану?

– Я сама, – процедила Фрида, наклоняясь к своей одежде.

– Эк скоко у вас одёжек, – оценила Кейт, глядя на неё – И, главное, зачем?..

– Как это письмо попало к тебе? – оборвала её Фрида.

– У тебя симпатишный конь, – отозвалась ведьма, протягивая руку и глядя покорно склонившего голову Быстрого по носу. – И симпатишный лакей. Милок, подь сюды.

Фрида только вздохнула, когда из-за деревьев показался один из её лакеев с таким взглядом, как будто уже сомневался в собственной вменяемости. На самом деле, сомневаться он станет завтра, когда всё – и воспоминания, и фантазии – перепутаются у неё в голове.

– Ты ш не против, если я их позаимствую? – одной рукой обняв лакея, другой держась за гриву коня, спросила Кейт.

– Вернуть не забудь, – вздохнула Фрида, накинула нижнюю рубашку (всё-таки ночи были ещё прохладными, чтобы

ходить голышом), а остальную одежду взяла в руки.

– Будь покойна, милая. Ты, кстати, в город нынче собираешься? В столицу, а? За этим нырjala? Вижу у тебя браслетик этого стервеца. Так вот, в Нижнем городе ищи.

Спрашивать подробности было бы бесполезно, да и незачем, раньше Фрида и сама справлялась. Она кивнула отвернулась и пошла по тропинке – подсвечивая дорогу, её обогнали светлячки.

– Ну, прокати ш меня, милок! – сверкнув улыбкой, воскликнула Кейт и взлетела в седло Быстрого. Следом, как во сне, неловко влез лакей. – И-э-э-эх!

Деревья тоже расступались перед ведьмой – прямо-таки отскакивали. А та, гоня коня, потрясала сухонькой ручкой.

– Ужо я щас покатаюсь!

«И вряд ли кого удивишь, – думала Фрида. – Все давно уже к твоим выходкам привыкли».

Мэри снова сидела за любовным романом и снова в спальне Фриды, в её любимом кресле у камина.

– Ой, госпожа! – вскрикнула она, когда Фрида закрыла за собой дверь. – Я-я в-вас не заметила!

– Ну конечно, – хмыкнула Фрида. – Я же ведьма. Между прочим, тебе письмо. – И кинула Мэри конверт.

Та подхватила его, узнала почерк. Побледнела.

– Я-я-я...

– Завтра получишь расчёт.

Мэри содрогнулась и плавно осела на пол. Фриде подума-

лось, что это она в своих романах научилась подобному мелодраматизму.

– Госпожа, прошу вас! Я не смела отказать миледи, вы же знаете, какая она...

– Да, знаю. А ещё она тебе платила. – Фрида уселась в кресло и принялась смотреть на огонь. – Уходи.

– Госпожа, но вы же должны меня понять! У меня кроме вас никого нет!

– Попросись к моей матери, вы же так прекрасно спелись. Она тебя куда-нибудь пристроит.

– Госпожа...

– Вон. Завтра утром чтоб тебя в этом доме не было.

Мэри встала – так же плавно, как до этого садилась. И, скривившись, прошипела:

– Куда вы без меня денетесь!.. В этой дыре вам никого лучше меня не найти...

– Милая моя, – обернувшись, проронила Фрида. – Благодаря тебе я очень скоро перееду в столицу. Где таких, как ты – пруд пруди. И выйду замуж за очередного богатого сморчка. Потом, когда он умрёт, у меня будет ребёнок и огромное состояние. И я смогу выбрать себе любого супруга, хоть принца. А ты так и будешь прозябать в такой вот дыре со своими романами. А теперь пошла вон.

Мэри и правда направилась к двери. Но у порога обернулась.

– Да чтоб ты в бездне захлебнулась, ведьма!

– Аккуратно, милая, – еле сдерживаясь, предупредила Фрида. – Прокляну. И на всякий случай... Ты никому не расскажешь, что видела в этом доме. Не напишешь и не расскажешь больше никому. Просто поверь мне на слово, если не хочешь в самый ответственный момент заблечь, как коза.

Бывшая камеристка покраснела – от шеи до корней волос.

– Да ты... – она осеклась. А потом заблечла.

– Я предупреждала, – махнула рукой Фрида. – Ты мешаешь мне. Убирайся.

И, когда за служанкой закрылась дверь, Фрида без сил рухнула на кровать. Очень хотелось заплакать. «Я сама во всём виновата, глупо сейчас себя жалеть», – повторяла и повторяла мысленно Фрида. Но всё равно себя было очень жалко.

– Я не хочу ничего менять! – простонала она в подушку. – Мне моя жизнь и так нравится!

Ей ответила тишина. Фрида повернулась на спину и, глядя в потолок, громко произнесла:

– Ну мы ещё посмотрим!.. Всё равно всё будет по-моему.

Как именно, она не знала, но... Нет, больше собой она управлять не позволит. Замуж мать её, конечно, выдаст, но, может, это и к лучшему? Замужем получится спокойно родить. А муж... С мужем всегда сладить можно. С первым же она сладила. Почему этот раз должен отличаться? Просто нужно немного потерпеть, а потом прогнуть этот мир под себя.

Вздыхнув, Фрида старательно улыбнулась. Не хотелось, но она скривила губы.

Всё будет так, как она захочет, и никак иначе.

На душе немного полегчало, и, перевернувшись на бок, Фрида закрыла глаза. Усталость навалилась могильной плитой.

– Где ты? – звал её голос на грани сна и яви. Знакомый голос рогатого наглеца. – Где ты?! Как ты скрываешься от меня? Как ты смеешь?! Отзовись!

Улыбаясь, Фрида успела подумать: «Ты меня больше никогда не увидишь, мерзавец. А если увидишь – не узнаешь». Потом волшебный лес из сна забрал её, обнял, спрятал, а феяри всё бродил и бродил, всё звал и звал. Но дальше и дальше, и дальше...

Точно так же по деревне металась зачарованная малиновка с письмом в клюве. Металась и не могла найти адресата.

Глава 5. Серый город

«Ненавижу этот город! – думал Эш, отбивая тростью гимн империи. Трость у Эша была модная, с медным наконечником в виде клыка и по мраморному полу он стучал просто оглушительно. – Ненавижу этот мир!»

Утром в министерстве уже было много народу. На лорда Видзора и идущего позади, на должном расстоянии слугу оборачивались и смотрели. Эшу очень хотелось оскалиться в ответ, а может, даже кого-нибудь укусить.

– Господин, не желаете ли прогуляться в Сенжемском парке? – невинно поинтересовался еле поспевающий за ним Ричард.

Эш резко обернулся и проходящая мимо пара – леди в бежевом утреннем платье под руку с джентльменом, у которого в петлице красовалась такого же цвета роза – содрогнулись и непроизвольно прижались друг к другу. Эш прищурился и с большим трудом промолчал. Джентльмен с розой ответил только недовольным взглядом. Его спутница вовсе опустила глаза и кивнула, когда джентльмен что-то шепнул ей, уводя в сторону от герцога Виндзора.

– Господин? – повторил Ричард. – Позвольте напомнить, прогулка в Сенжемском парке всегда вас успокаивает. Может быть, кружечка парного молока?..

– Я хочу кого-нибудь убить, – воспользовавшись тем, что

коридор опустел, прошипел Эш.

Ричард успокаивающе улыбнулся.

– Тогда, наверное, ресторан Кроути? – предложил он, имея в виду самый шикарный ресторан в столице. Там, кроме всего прочего, подавали прекрасный сидр, который Эш обожал куда больше молока. – Или, быть может, вы желаете вернуться домой?

– Иногда мне кажешься, ты излишне меня опекаешь, – проворчал Эш, серьёзно решая, что лучше: молоко или сидр. – Мы, знаешь ли, ровесники, и я способен сам о себе позаботиться. А ты ведёшь себя как курица-наседка.

– Конечно, господин, – безмятежно улыбаясь, согласился Ричард. – Просто вы выглядите так, словно ещё немного и сами кинетесь потрошить людей. Как тот убийца, которого вы ищете. И тогда в столице вас станет уже двое, что будет весьма прискорбно.

– А что – хорошая мысль! – фыркнул Эш. – Только я бы начал не с принца, а с местного министра.

Ричард снова улыбнулся.

В министерстве правопорядка, куда герцог Виндзор нанёс визит буквально на рассвете, сидел зевающий сторож – и всё. Титул и высокомерие Эша его несколько не впечатлили: по-прежнему отчаянно зевая, он отказался вводить герцога в курсе дела Туманного злодея (так окрестили газетчики неуловимого убийцу). А когда Эш стал грозить перевернуть министерство вверх дном, сторож только плечами по-

жал: «Да пожалуйста, переворачивайте».

Эш был от природы упрям и весьма деятелен, особенно, когда злился. Поэтому, когда к восьми утра стали подтягиваться клерки, в вестибюле они застали обалдевшего сторожа среди моря бумаг. Сверху, со второго этажа в это море постоянно сыпалось пополнение – шёл прямо-таки бумажный дождь. Эш даже не думал сохранить картотеку или пощадить архив – всё это уже валялось на полу в вестибюле. А лорд Виндзор как раз взламывал кабинет министра.

– Вы с ума сошли! – фальцетом завопил его хозяин, когда в пол-одиннадцатого утра соизволил явиться на работу.

– Нет, это вы опаздываете, – ответил ему Эш, сидя на министерском письменном столе в окружении наконец-то нужных документов (всё нужное ведь всегда находится последним).

– Сэр! Немедленно покиньте мой кабинет! – начал закипать министр. Казалось, совсем немного – и у него из ушей пойдёт пар.

Эш покосился на него, изогнул бровь и, даже не думая вставать, поинтересовался:

– Вы знаете что-нибудь ещё, кроме того, что говорится здесь? – Он потряс чёрной кожаной папкой с оттиснутыми буквами «Т.З».

У министра отнялся дар речи, а Эш, подождав, но ответа так и не получив, подытожил:

– Хреново работаете.

Министр застонал-засвистел, как закипающий чайник. Ричард, подавая Эшу следующую папку, тоже чёрную, но с позолотой по корешку, с тревогой посмотрел на него.

Через десять минут Эша попытались стащить со стола стражи правопорядка. Эш и им высказал, как именно они работают, и только потом, наконец, соизволил представиться. Все, включая министра (который Эша в лицо не знал: в обществе фэйри давно не появлялся), погрустнели. Ещё хуже стало, когда прибыл курьер из дворца с предупреждением, что где-то в это время лорд Виндзор, императорский дознаватель, явится инспектировать министерство.

Господин министр, услышав это, снова свистнул и чуть не потерял сознание. А его подчинённые, давно привыкшие к начальским грозам, принялись тихонечко упрашивать лорда Виндзора не гневаться. Дескать, обычно-то у них порядок, это сейчас просто аврал с этими убийствами, да тут ещё майская неделя, да ещё...

Не отрываясь от документов, Эш потребовал привести всех констеблей и инспектора – вообще, всех здешних служащих, кто видел тела. Ему внимали почти как богу, только что в ноги не кланялись.

Красный, как рак, министр тихо осел на пол.

Через полчаса – сверхскорость для министерства, но Эш уже в прямом смысле лез на стенку – привели пять констеблей и одного инспектора. Эш выслушал их показания и попытался встрясти из инспектора душу. Когда, спустя минуту

душа не появилась, вмешался Ричард. Тогда Эш инспектора отпустил и принялся нарезать круги по кабинету.

Чопорные, спокойные и консервативные имперцы смотрели на бегающего по кабинету, точно загнанный волк, лорда в священном ужасе. Когда кто-то тихонько поинтересовался, не стоит ли позвать врача, Эш взвыл не хуже того волка и атаковал стол. Стол устоял, но бумаги с него снова посыпались дождём. Отскочивший к стене Эш пошёл было на второй заход, но между ним и столом встал Ричард и, ласково улыбаясь, заметил, что: «Тут, господин, вы, наверное, уже закончили».

Напоследок Эш всё-таки посулил министру парочку проклятий и всевозможные беды, и только потом позволил Ричарду себя увести.

– Они идиоты! – жаловался теперь Эш. – Дикон, как можно быть такими непроходимыми глупцами!

– Господин, позвольте заметить, – спокойно отозвался Ричард, – что ни в одном детективном романе полиция ещё ничем не помогла следствию.

Эш обернулся и непонимающе посмотрел на «брата».

– Детективном романе?

– Да, господин.

– Ты это... читаешь?

– Случается, господин.

– Безумие! – выдохнул Эш. Потом задумчиво поинтересовался: – Зачем тогда вообще нужна полиция?

– Наверное, чтобы раскрывать те дела, которые в детективных романах не описаны, – снова улыбнулся Ричард.

На улице накрапывал дождь. Промозглый ветер гнал по небу тяжёлые серые тучи, солнце скрылось окончательно: город готовился к очередному туману. Подняв воротник плаща, Эш огляделся и поморщился: всё вокруг было серым: ярко-серым, тускло-серым и грязно-серым.

«Ненавижу этот город», – снова подумал герцог Виндзор.

Его карета ждала у ворот министерства. Рядом стояли три кэба, и кучер Эша, вместе с извозчиками спрятавшись от дождя под одним зонтиком, лакомился горячей картошкой. Продавец, толкая перед собой ярко-алый пышущий паром лоток, как раз пересекал площадь Звезды.

У Эша непроизвольно засосало под ложечкой: картошку он тоже любил, какой бы плебейской эта еда ни считалась.

– Дикон, – позвал он.

Ричард проследил его взгляд и кивнул.

– Минуту, господин. Только постарайтесь пока никого не убить.

Эш усмехнулся. Против такой заботы он, чего уж тут, против не был.

По другую сторону от площади высился Сенжемский дворец. Слева от него был разбит тот самый парк, в ворота которого сейчас забегал Дикон – наверное, всё-таки решил ещё и молока достать. Эш был только «за».

А потом его привлёк фонарь у дворцовых ворот. Сейчас

он, конечно, не горел: хоть и пасмурно, но всё ещё был день, и фонарщик пока не пришёл. Но что-то... что-то с этим фонарём было не так.

Эш торопливо пересёк площадь. Дождь усилился, проезжающий мимо кэб обдал герцога водой из лужи, но Эш не обратил внимания: знакомый запах щекотал ему нос. Кровь.

Судя по полицейским отчётам, тело принца Филиппа нашли... в основном на воротах. По крайней мере, голова была на одном из чугунных шпилей. Руки там же, под ними валялось то, что осталось от груди. Сердца, как отмечал полицейский врач и подтверждал дворцовый лейб-медик, там не было. Так же, как и половины левого лёгкого. Их да нижнюю часть туловища найти так и не удалось, исключая, хм, член: его затейливый убийца повязал ленточкой и пришпилил рядом с головой. На фотокарточке это смотрелось забавно, Эш оценил, хотя когда поделился с Ричардом, тот почему-то даже не улыбнулся. Но Дикон вообще впечатлительный.

Убийство произошло почти две недели назад, и дождь давно смыл всё, что не отгёрли слуги, и даже запах был слабеньким. Однако Эш думал, он почувствует его у злополучных ворот – но нет, он шёл от фонаря.

Эш остановился, машинально постукивая тростью камни мостовой. Город словно замер: исчезли звуки, даже постоянная вонь, слабо, но ощутимая даже здесь, в сердце столицы, больше не замечалась. Эш стоял и, запрокинув голову, смотрел на фонарь. Ветер сорвал шляпу-цилиндр, но Эш не

заметил, как не замечал и стекающие по лицу капли дождя.

Фонарь вонял, и совсем не железом. Эш осторожно протянул руку, пальцем лишь на миг дотронулся – и кашемировую перчатку прожгло насквозь. Как-никак, а железо, хоть им сейчас и не пахло.

Отдёрнув руку, Эш закрыл глаза, сосредоточился. Образ девушки из тумана возник сразу же: худенькая, тоненькая, она пела, и Эш с трудом различая слова, вдруг понял: сирена. Что ж, это объясняло, почему убивают только мужчин, но... Сирена здесь, так далеко от моря? Не по реке же она доплыла?

Кто-то привёз её? Эш сталкивался и с таким: некоторым ценителям из аристократии удавалась поймать существ с «той стороны». Их держали в железных клетках, пленники слабели день ото дня и долго не проживали. А здесь, получается, не только смогли поймать сирену, но ещё и заставить петь...

Эш наклонился, провёл рукой по мостовой. След вёл к фонтану – тоже с сиреной, такой, какой её представляли люди – обнажённой, в чешуе, и с рыбьим хвостом. Подобные уроды не встречались и на «той стороне», зато человеческое воображение и не на такое оказалось способно. Впору было восхититься.

Эш погладил бортик фонтана, замарал вторую, ещё целую перчатку в пыли и принялся. Получалось, что сирена вынырнула из фонтана. Эш представил, как она плывёт по тру-

бам, кстати, тоже железным... Усмехнулся и снова потянул носом.

Его обдало ароматом свежеиспечённого хлеба.

– Ваша шляпа, сэр. Сэр?

Эш удивлённо обернулся.

Мальчишка-подметальщик, весь в пыли и с огромной метлой выше его самого, протягивал невредимый цилиндр и очаровательно улыбался. «Полукровка», – машинально отметил Эш и тут же удивился. Кажется, это был первый уродливый полукровка на его памяти: парнишка здорово напоминал лицом лягушонка: несоразмерно большой рот, маленькие глазки, почти невидимый нос. И серые волосы в ужасном беспорядке, как будто стригли их давным-давно и спустя рукава.

При этом улыбался мальчик действительно очаровательно, и его улыбка была Эшу почему-то знакома.

– Сэр? – тем же звонким, девчачьим голосом повторил мальчик. – Вы в порядке, сэр?

Эш молча забрал у него цилиндр, надел – хотя волосы уже были безнадежно мокрыми. Мальчишка всё стоял и чего-то ждал, опираясь на свою метлу. Через минуту, опомнившись, Эш, порылся в кармане и кинул ему первую попавшуюся монету – шиллинг. Мальчишка поймал её ещё в воздухе, тут же куда-то спрятал (хотя в его безразмерных штанах и курточке карманов не было) и отвесил шутовской поклон.

– Благодарствуйте, добрый сэр!

– Мы раньше не встречались? – перебил его Эш.

Хихикнув – тоже совершенно по-девчоночьи – мальчик окинул Эша ужасно знакомым взглядом: изучающе, с ног до головы.

– Нет, сэр, я б вас запомнил, – и, отвернувшись, принялся мести улицу. А на деле – месить грязь в лужах.

Эш всё наблюдал за ним, не понимая, что не даёт ему покоя. Надо было позвать констебля, пусть схватит парня: последнее время полукровок не хватает, а их магия империи очень нужна... Но что-то Эша останавливало, и он не понимал, что. А когда Эш что-то не понимал, он начинал злиться.

– Господин? – Вернулся Ричард. В одной руке у него была кружка молока, в другой – бумажный пакет с картошкой. От пакета исходил ароматный пар. – Господин, ваши перчатки...

Эш снял их и, небрежно отбросив, протянул руку. Ричард подал ему кружку и пакет, но Эш взял оттуда только одну картофелину, остальные отдал Дикону.

– Ты ведь тоже не завтракал.

– Благодарю, господин, – голос Ричарда был совершенно нейтральным, и непонятно было: правда благодарит, или это простая вежливость. А Эшу лень было угадывать.

Мимо прошёл – точнее уж протанцевал – мальчишка-подметальщик. Вальс с метлой у него получался весьма изящным. «Ему что, мёдом тут намазано?» – подумал Эш, когда мальчишка вдруг остановился, потянул носом. Смешно по-

морщился, снова потянул и облизнулся. А потом проситель-но уставился на Дикона. Тот усмехнулся.

– Держи. – Ричард вытащил из пакета исходящую паром картошку.

Мальчишка снова расплылся в улыбке – определённо Эш её уже где-то видел! – выпалил: «Спасибо, добрый сэр!» и недолго думая, вгрызся в картошку. Метлу он хозяйствен-но обнял ногами, прислонившись к бортику фонтана. Эта метла между ног живо ещё раз напомнила Эшу, что парниш-ка – полукровка. Впрочем, так экстравагантно на балы при-летали только полукровки женского полу – ведьмы. Их же мужчины были более... практичны и, в крайнем случае, об-ходились лошадьми.

– А что вы там искали у фонаря, сэр? – спросил вдруг мальчик, и Эш опешил. Собрался было осадить наглеца – незачем за другими следить! – но наткнулся на его изучаю-щий взгляд и, не удержавшись, выдохнул:

– Я точно где-то уже тебя видел!

– Не думаю. – Парнишка доел картошку, облизал руки. – Так что вы там искали? – Он кивнул на фонарь.

Эш фыркнул.

– И что же ты думаешь, я там искал?

Мальчишка смешно наморщил лоб и почесал бровь.

– Даже не знаю... Что могло понадобиться благородному сэру у фонарного столба? Может, вот это? – И в Эша поле-тела визитная карточка одного из известнейших столичных

борделей – весьма определённой направленности.

Эш отмахнулся от неё и сразу же потерял к парню интерес.

– Пошёл вон.

– Как скажете, благородный сэра, – снова поклонился мальчик. И провальсировал к тому самому фонарю, который недавно изучал Эш.

– Странно, – пробормотал обычно молчаливый Ричард.

– Что?

– Как чисто он говорит для бедняка, господин. И на его ладонях нет мозолей от метлы.

– Так он же из этих, – поморщился Эш. – Этих... Бордельных.

– С таким лицом? – вскинул брови Дикон. – К тому же, я слышал, и они обычно днём не работают.

Эш обернулся: мальчишка кружил вокруг столба на четвереньках. Забытая метла валялась в двух шагах.

– А позови-ка, Дикон, констебля. Расспросим этого танцора в отделении, чем он занимается.

Ричард отошёл – подать знак страже у дворца. А мальчишка у фонаря вдруг резко выпрямился, по-собачьи потянул носом. Потом повернулся и встретился с Эшем взглядом.

На мгновение, впрочем, очень короткое, Эш почувствовал запах чужой магии. Очень могущественной магии – запах леса, прелой листвы и влажной древесины. А в следующее мгновение мимо проехал кэб, закрыв обзор. И чужой запах исчез.

В кэбе пассажиркой оказалась седая, величественного вида леди – она так долго выбиралась, так аккуратно ступала на мостовую, что Эш, зарывав, не выдержал, вскочил и сам кинулся к фонарю. Но там, конечно, стоял только обескураженный стражник и что-то втолковывавший ему Ричард. Ещё лежала забытая метла. Мальчишки не было.

Эш быстро оглянулся: элегантно одетая леди, закрывшись от дождя зонтом, проходила мимо. Наверное, к павильону Сенвиси, там полно женских магазинов, вспомнил Эш.

Мальчишки нигде, конечно, видно не было. Хлебом тоже больше не пахло, как Эш ни принюхивался. Впрочем, кровью тоже.

Он прошёл обратно к фонтану, поднял с мостовой мокрую визитную карточку. Повертел в руке, изучая. На чёрном фоне выделялась громадная роза. Это что-то означало, но Эш не хотел даже думать, что.

– Простите, господин, мы не успели, – сказал подошедший Ричард.

Эш рассеянно кивнул. И, помахав карточкой, обескуражил Дикона:

– Надо будет наведаться в этот бордель.

– Господин? Вы? Я имею в виду, вы правда хотите?.. Просто мне кажется, вы не очень представляете... – Ричард замолчал, наткнувшись на взгляд Эша. – Да, господин. Конечно. Но сегодня к вам приезжает портной...

– Портной?

– Бал, господин. Вы помните, император...

– А, ну да, где этот кретин будет делать из меня племенного жеребца, – процедил Эш и стукнул тростью по мостовой – только что искры не высек. – Ладно. Едем домой. Где там этот прощелыга-кучер?..

«Вот же мерзкий тип!» – думала Фрида, остановившись у витрины магазина-ателье. Гулко стучало сердце, дышать до сих пор было тяжело, но хоть голова уже не кружилась.

Фрида опустила зонт, сложила и опёрлась на него, как на трость. В отражении витрины дама в изящном сиреневом платье и кокетливой шляпке, из-под которой выглядывали украшенные фиалками косы (Фрида половину утра волосы укладывала – тяжело было без камеристки) стояла и лениво рассматривала выставленные напоказ накидки. На деле Фрида пыталась совладать с дыханием.

Оглянуться она рискнула только спустя пять минут. «Мерзкий тип», раздражённо постукивая тростью, осматривался, и сердце Фриды ёкнуло снова. Но невозможно, он же не мог её узнать!

Однако потребовалось сделать над собой некоторое усилие, чтобы перевести взгляд на кэбы у министерства – там суетился слуга этого «мерзкого типа». Констеблей видно не было – хорошо, значит, переполоха не будет. Можно пересечь площадь...

И тут Фрида вспомнила: метла! Боги, она же забыла мет-

лу!

Может быть, если тихонечко пройти к фонарю... «Прекрасно же я буду смотреться – дама с метлой», – подумала Фрида, но решила, что минуты две потерпеть можно. И потом, главное выглядеть как можно высокомерней – мало ли, зачем ей метла? Пусть только этот надменный тип вместе со своим слугой уберётся хоть в бездну...

Фрида нашла взглядом фонарь, но метлы там уже не было. Её пытался запихнуть в карету слуга «мерзкого типа». «Зачем вам моя метла?!» – чуть не застонала Фрида.

Сам тип, постукивая тростью, подошёл к карете и, судя по жестам, отругал кучера, а потом играючи впихнул метлу, а после и слугу внутрь и залез сам. Кучер торопливо вскочил на козлы, присвистнул.

Фрида проводила карету тоскливым взглядом и поморщилась. Метла уехала. Ладно. Хорошо хоть, этот тип тоже убрался. И зачем ему сдался этот фонарь? И фонтан. Не просто же так он у него кружил... Может, королевский сыщик? Всё-таки принца убили. Но магию он почувствовать никак не мог... И одет как лорд... Фрида вспомнила этот его щегольский зелёный (зелёный!) шейный платок и поморщилась. «А ведь мне могут посватать этого денди», – мелькнула непрощенная мысль. Фрида поёжилась и в ответ подумала: «Вот на этом платке тогда и повешусь».

Браслет Лесного короля, ещё теплый, пах остро, как лес после дождя. Фрида, снова открыв зонтик, пересекла пло-

щадь, обошла фонарь – один раз можно, никто не удивится. Потом свернула в улочку между министерством и театром, а оттуда – в маленький сквер.

Мальчишка-метельщик с жабьим лицом, которого она только что изображала, как раз выскочил из пекарни – наверняка потратил её шиллинги на обед. Его руки всё ещё масляно блестели, и мальчишка на бегу вытирал их о пузырящиеся серые от пыли штаны.

Увидев Фриду, он резко затормозил, округлил глаза и обиженно завопил:

– А метла?!

«Вот маленький наглец!» – подумала Фрида, но открыла сумочку и достала деньги.

– Новую купишь.

– Да? – Мальчишка повертел в руке шиллинг. – А штраф мне чем платить? Не моя же метла, казённая...

Фрида с каменным лицом отсчитала ему фунт. Да, много, но сама виновата: нечего было так подставляться. Как будто первый раз!..

Получив деньги, мальчишка сразу повеселел.

– Ой, спасибо, добрая госпожа, выручили, а то как же я!.. Здесь, знаете, в последнее время небезопасно, говорят, чудище выходит и съедает честных граждан, прям таких, как я! А что не съедает, то выплёвывает!

– Расскажешь мне о нём? – перебила Фрида и улыбнулась. – Люблю страшные истории.

Не моргнув глазом, мальчишка изобразил из себя ничего не знающего сиротинушку.

– Ну, госпожа, моё дело маленькое: я же только мету себе и мету, а вечером метлу сдаю и...

Фрида хмыкнула.

– Мороженое хочешь?

Мальчишка аж подпрыгнул.

– Да!

Мороженое Фрида и сама любила, четыре года назад она даже специально искала себе кухарку, которая умеет готовить это лакомство. Впрочем, в столице недостатка в таких не было.

Наглый парнишка-прохвост трещал всю дорогу до магазина, но когда дошли до дверей, резко сбавил тон, а потом и вовсе спрятался за юбку Фриды.

«Немудрено, – думала Фрида, – наверняка тебе и твоим друзьям не раз здесь давали от ворот поворот».

А вот благородную госпожу с манерами леди обслужили даже без очереди. Молоденькая продавщица в смешном розовом чепчике захлёб расхваливала товар – правда, по рисункам в каталоге. Фрида её внимательно выслушала, хоть и потешалась в душе. Но не гоже леди невежливо перебивать собеседника и уже тем более смеяться над ним. Даже если это просто продавщица в магазине мороженого. Так что Фрида выслушала, а потом приказала принести по ложечке попробовать. Девушка сразу сбавила тон и закивала, а коли-

чество видов мороженого, которые она принесла, почему-то и вполнину не совпадало с теми, что были указаны в каталоге. Поняв это, Фрида чуть не рассмеялась в голос. Как-то кухарка рассказывала ей, как именно ушлые продавцы подсовывают незадачливым покупателям тот или иной некачественный продукт. В мороженое и вовсе можно накидать больше льда, чем лакомства – главное, умело спрятать.

Глянув на разноцветные фарфоровые мисочки с лакомством и воткнутыми в него серебряными десертными ложечками, Фрида повернулась к засмущавшемуся мальчишке.

– Выбериай.

А потом старалась не смотреть, как морщится продавщица, подавая метельщику ложку с лакомством. Не будь рядом Фриды, ему бы в лучшем случае лёд и сунули.

Мальчик выбрал клубничное, и Фрида заказала два порции в вафельном стаканчике. Ещё и шоколадом заставила полить. Наблюдать за метельщиком, вмиг этим шоколадом измазавшимся, было донельзя забавно. Даже настроение поднялось: как мало кому-то надо для счастья!..

Фрида отвела мальчишку к фонтану с русалкой, усадила на скамейку – парнишка был в экстазе – и подождала, пока первый восторг уйдёт. Дождь как раз стих, зато подул резкий и не по-весеннему холодный ветер. Он, словно портной, кромсал облака, и сквозь их лоскуты просвечивало синее е и такое редкое для столицы ясное небо.

Прохожих на площади по-прежнему было немного: обе-

денный час ещё не наступил, утро, рабочий день в разгаре... К тому же, район здесь весьма престижный, живут тут и работают аристократы, а они предпочитают для прогулок Сенжемский парк. Пожалуй, эта площадь была одним из немногих нелюдных мест в перенаселённой столице.

Фрида проводила взглядом проезжающий мимо кэб и повернулась к мальчишке. Тот с блаженством облизывался: его мордашка вся была чёрно-розовая, шоколад и клубника. Вся: острый нос, впалые щёки, огромный рот, покатый лоб... Даже концы длинных серых волос. Красавец!

С трудом сдержав смех, Фрида подала ему платок, а потом и свою порцию – пусть лакомится. И напомнила:

– Как насчёт страшных историй?

Мальчишка, как пьяный, вмиг всё слопал и выложил Фриде что знал. Похоже, мороженое было пределом его счастья, и про деньги он временно забыл. Фрида прогнала эту мысль, уж больно она была грустной.

По словам мальчика – звали его, кстати, Том, и представиться он соизволил только сейчас – неизвестное чудовище появлялось исключительно в туманные ночи. И уже убило одного лакея, одного дворецкого, одного принца, одного виконта и одного конюха. «Какое разборчивое чудовище! – думала Фрида. – Ни разу не повторилось». Про убитых Том знал довольно много, но ничего из этого Фриде полезным не показалось. Лакей был приезжим из южных провинций, служил во дворце и нигде, кроме ближайшей пивной замечен не

был. Дворецкий был уволен по старости лет из дома графа Свента (Фрида смутно его помнила, благообразный старичок с кучей наследников). Принц... Ну, принц был тот ещё пройдоха, это все знают. Но он же принц, ему можно. Виконт вообще наполовину иностранец и приехал в империю в университет. Конюх жил в Среднем городе у мистера Вайс-торга, практикующего врача. Характером все убитые отличались, возрастом тоже, как и положением. Ровно ничего общего, кроме проживания в Среднем или Высоком городе, у них не было. Из Нижнего чудище не тронуло пока никого.

Способ убийства тоже был одинаков: расчленение. Том, нимало не смущаясь, описал его Фриде, та с каменным лицом выслушала, а в душе порадовалась, что отдала мальчишке мороженое. Сейчас бы не в то горло пошло.

Ещё рядом с телами обязательно оставлялась надпись. Том воспроизвёл её в пыли довольно точно – достаточно, чтобы Фрида узнала слова фейрийского: «Она танцует». Том же считал, это какой-то колдовской символ. И вообще, в столице ведьмы чудят, Серого на них нет! Но это пока – ещё немного, и ведьм, конечно, поймают (это ж Серый!), чудище убьют, и жизнь снова станет пресной и обыкновенной. В общем, Том был оптимистом.

Фрида слушала его и думала, что всё ещё хуже, чем она предполагала. И что ввязываться в это – себе дороже. Отец просил только узнать: что ж, она узнала. И, может быть, действительно дальше соваться не стоит?

Но правду говорят, что женщину губит любопытство.

– Странно, – задумчиво пробормотала Фрида. – А как это твоё чудовище нашло своих жертв? Что, здесь туманными ночами очень людно?

Мальчишка ухмыльнулся, хрумкнул вафельным стаканчиком и, чавкая, отозвался:

– Ну, мэм, вот принца искать точно не пришлось, он вечно ночами где попало шлялся, особенно в Нижнем городе.

– Повежливее, ты о члене императорской фамилии говоришь, – не удержалась Фрида.

– Ага, о члене, – хихикнул мальчик. – Да ладно вам, мэм, это ж все знают. Вы, видать, не местная. Или блааародные такое не обсуждают?

Фрида вспомнила заголовки «Времён», самой уважаемой газеты империи. Ничего такого про ночные гуляния принца Филиппа там точно не было. А Фрида, как любая добропорядочная жительница империи, «Временам» верила. Впрочем, и дурой она тоже не была.

– Допустим, принц любил ночной променад...

– Эк вы его обозвали, мэм! Промена-а-ад! Да траха...

– Но дворецкий с лакеем что в это время на улице забыли? – поспешила перебить его Фрида.

Том задумался и через пару минут выдавил, что не знает. Лакей был тихим малым и к тому же, новеньким, потому уставал сильно, ещё не вработался и по ночам честно спал. А дворецкий... Ну, это был тот ещё зануда! У него вообще

после восьми по обычаю его хозяина начинался комендантский час. Собственно, у всех слуг графа Свента он в это время начинался, а старик-дворецкий привык. Да и что ему в его почтенные шестьдесят пять делать ночью на улице?

– Говорю вам, мэм, чудище это. И ведьма им управляет, – решил, наконец, Том. – Она как-то вызывает всех этих... «жертв», вы сказали? Ну вот, их. А потом сердца их жрёт. Сердца-то так и не нашли.

Да, об этом даже «Времена» писали, вспомнила Фрида. Чу-ди-ще...

– Хорошо, допустим, выманивает. Но почему именно этих? Между ними же никакой связи...

– Да кто этих ведьм разберёт! – фыркнул мальчишка. – Мэм, а можно ещё мороженого?

Фрида со вздохом откупилась деньгами. Мальчишка убежал обратно в магазин: «Я скажу, что я с вами, и они меня не прогонят!»

«Ловкач, – думала Фрида. – Просто деловая хватка!» Она мысленно сравнила его со своими учениками. Метельщику Тому лет четырнадцать, а у Фриды был такой класс, и дети там казались куда менее... практичными. И менее самостоятельными. И более забитыми. Впрочем, порол директор буквально за всё – и очень больно, так что неудивительно, что ученики боялись хоть слово вставить. Но Фриду всё равно не оставляло ощущение, что пусти такого Тома в школу, он стал бы там первым играючи. Если бы его убедили учиться,

конечно.

Карета ждала Фриду в сквере у Адмиралтейства. Кучер, он же конюх посапывал на козлах – Фрида тихонько постукала ему по колену ручкой зонта. Кучер встрепенулся.

– Простите, мэм, – пробормотал он, зевая, – соснул...

– Неудивительно – в такую погоду, – улыбнулась Фрида. – Пит, покатайте меня по столице. Давно здесь не была, соскучилась. Есть тут дорога, чтобы через весь город шла? И без заторов, хорошо?

– Конечно, мэм. – Кучер дёрнулся было – спуститься и открыть дверцу (лакеев на этот раз в столицу брать не стали), но Фрида отмахнулась.

– Я сама могу войти в карету. Скажите, Пит, вы хоть пообедали, пока меня не было?

Сконфуженный кучер помотал головой. Фамильярность леди всегда пугала слуг, Фрида это отлично знала, но считала, что раз она хозяйка, то должна заботиться о своих подопечных.

– Ничего, – вздохнула она. – Скоро будем дома.

Кучер заметно повеселел, а Фрида забралась внутрь и захлопнула дверцу. Карета вскоре тронулась.

«Нет, не нужно мне в это лезть, – убеждала себя Фрида, откинувшись на спинку обитого бархатом дивана и искоса поглядывая в окно. Столица была на удивление однообразна: серые «копчёные» крыши, такой же серый воздух, редкие всплески солнечного света. Серые люди и громкие кри-

ки торговцев – карета как раз огибала один из многочисленных столичных рынков. – Не нужно. Одно дело – артефакты искать или заклятия отменять. И то страшно, признайся, страшно ведь было? А сейчас – всё это дурно пахнет...»

Пахло и впрямь неважно: карета проезжала по мосту через реку. Та серела до самого горизонта, масляно поблёскивала и Фрида невольно вспомнила реки с «той стороны», голубые, чистые, с лебедями. Посмотрела на мрачную реку столицы и грустно вздохнула.

Блеснул и покатился по полу серебряный шиллинг. Фрида наклонилась, подняла и удивлённо принялась: от него пахло фейри. Больным фейри. Не этот ли шиллинг дал ей тот надменный господин «Я-пуп-земли»? Фрида с трудом поборола желание выбросить монету в окно – наоборот, убрала в сумочку. Лорд и правда мог быть императорским дознавателем, значит, как-то связан с Серым. Мало ли, как к нему попала монета. А Серый вполне мог забрать в свои застенки не только мага-полукровку, но и неудачливого фейри. Например, какого-нибудь подменьша...

Подменьш... Фрида прогнала мысль о фейри с бала. Это никак не мог быть он. У него-то точно всё отлично, иначе не ломился бы к Фриде в сон каждую ночь...

Ладно, всё это, конечно, очень таинственно, но пора поворачивать домой. Фрида не герой любимых той же Мэри романов, где красавицы легко разгадывают чужие загадки и шутя находят убийц. Фрида обычная, не очень сильная ведь-

ма. И мотаться в одиночку по подворотням Нижнего города (который ей советовала осмотреть Кейт) или подстергать сбрендившего убийцу-фейри в туманные ночи точно не будет.

А значит – домой.

Фрида вздохнула и собралась уже было высунуться в окошко, приказать Питу поворачивать, но браслет лесного короля вдруг пощекотал руку. Фрида замерла, глядя на него. То ли отзываясь на её мысли, то ли по приказу хозяина, на переплетении ветвей появился маленький синий цветок, который быстро превратился в голубую ягоду. Фрида тряхнула рукой, и ягода упала ей на левую ладонь.

«Ладно, – подумала Фрида. – Один раз, не больше».

И сжевала ягоду. Это был «ведьмин поцелуй», растение из страны фейри, Фрида попробовала его впервые ещё в детстве. Потом долго ходила, как обухом по голове ударенная. И сейчас – слух обострился, краски стали ярче, запахи – резче. Фрида закашлялась, согнулась от боли в груди, потом, совладав с собой, осела обратно на диван.

И представив столицу, потянулась, воображая, что она птица и летит сейчас над городом... Летит, ищет... Давно, даже крылья уже ломит от напряжения.

Фрида мысленно крикнула – зовуще и наугад. Чайка в небе, которой она была сейчас, тоже тоскливо завопила.

Почти сразу пришёл ответ. Громкий, как плач, как отчаянный крик – в нём слышался плеск волн, тихое дыхание

моря, шёпот бриза.

«Я здесь!»

Фриду-чайку кинуло вниз, к Нижнему городу, к одному из серых тусклых зданий, сверху похожему на крест. Прямо перед глазами мелькнула покрытая копотью стена – и Фрида вынырнула из видения.

– Пи-и-ит, езжайте в Нижний! – задыхаясь, закричала она, высунувшись из окна. – Живо!

Эша накрыло зовом, точно он был там, на морском берегу, вдыхал бриз и слышал песню сирены: «Здесь, здесь...» И так же резко море сменилось лесом, заговоренной поляной, где Эш бродил который уже сон и всё никак не мог выбраться.

– Господин?

Голос Ричарда разбил наваждение. Эш вскочил было, ударился затылком о потолок кареты и зарычал от отчаяния.

– Господин, – удивлённо повторил Дикон.

– Обратно! – приказал Эш, высовываясь в окно. – Поворачивай обратно! В министерство! К полиции!

– Господин, но портной?.. – выдохнул Дикон и отпрянул, когда Эш, усевшись, уставился на него шальными, ярко-зелёными от близкой магии глазами.

– Мне нужен этот мальчишка, – прошипел Эш. – Мне нужен этот проклятый мальчишка! Он колдует у меня под носом! Найду – шкуру спущу!

Дом Фрида узнала сразу, от него так и веяло магией – странно, как Серый до него не добрался? Может, потому что это Нижний? Но ведь как раз здесь он и забирает большинство полукровок, Фрида это отлично знала – да все знали! Колдуны и ведьмы рождаются у бедняков, а бедняки в столице живут в Нижнем городе. Тогда как Серый пропустил этот дом?

Кучер помог Фриде выйти из кареты и тревожно спросил: – Госпожа, вы уверены, что вас не нужно проводить?

Вопрос: «Что вы вообще здесь забыли?» он, конечно, не задал. Никто из прислуги Фриды, кроме разве что камеристки, не лез в дела хозяйки. Фрида сама таких выбирала.

– Да, – после видения Фриду пошатывало, но она смогла отпустить руку кучера и даже кое-как удержаться прямо. В такие моменты корсет очень помогал: хочешь-не хочешь, а не согнёшься. – Ждите здесь, Пит.

– Да, мэм, – с сомнением отозвался кучер, но спорить не стал.

Дом Фрида узнала, но не сразу поняла, куда именно попала. Ворота были закрыты, а у калитки стоял стражник. Щурясь, Фрида различила только чёрную форму. Потом голова закружилась – Фрида схватилась рукой за стену и тут же пожалела, что забыла в карете зонтик. На него было бы сейчас очень удобно опираться.

– Мэм? Что вы здесь делаете, мэм?

Фрида встретила взглядом со стражником: точно, это он

держит её сейчас за руку, а его товарищ протягивает стакан воды.

Фрида стакан взяла, глотнула – вода оказалась неожиданно ледяная и очень горькая, с запахом спирта. Наверное, этот стакан плохо мыли после прошлого использования...

– Мэм? Вы потеряли дорогу?

– Благодарю. – Однако после воды Фриде неожиданно стало легче. – Нет, я не заблудилась. Проводите меня, пожалуйста, внутрь.

– Мэм, но?..

– Маркиза Вустермор, – представилась Фрида и отняла руку. – Проводите меня, пожалуйста, внутрь.

Титул всегда потрясающе действовал на обывателей, особенно в Нижнем городе.

– Да, леди, – тут же с куда большим почтением произнесли стражники хором, и один из них добавил: – Следуйте за мной.

Фрида последовала, стараясь не оглядываться по сторонам и мысленно костеря себя: «Что ты творишь?!» Что ж, теперь матушка, когда приедет по письму Мэри, ещё и напомним дочери посещение Нижнего города, где леди ну совсем не место...

Внутри было уныло – уж каким унылым показался Фриде двор, но там хоть росла трава, и она была зелёной. А здесь... Серые стены, потрескавшийся потолок, жуткая, невыносимая чистота, мутные, некачественные стёкла... Чуть-чуть получ-

ше было только в кабинете у (как поняла Фрида, заметив мельком табличку) зрителя этого... рабочего...

– Это рабочего дом? – ахнула Фрида, оглядываясь.

Проводивший её стражник и лысоватый господин с пенсне в чёрном, выдавшем виды, но опрятном костюме посмотрели на неё с недоумением.

– Да, миледи, – произнёс осторожно господин. Наверное, тот самый зритель. – Могу я поинтересоваться, зачем вы здесь?

«Зачем я тут?» – мысленно закричала Фрида.

А вслух, улыбнувшись, произнесла:

– Я ищу горничную, камеристку, мистер...

– Гэнс. Меня зовут мистер Гэнс. – Зритель сдержанно поклонился. – Леди Вустермор, я прошу прощения, но искать горничную здесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.